

ЕВСЕНИЯ
МЕДВЕДЕВА

ДАВАЙСЯ,
ЭТО ЛЮБОВЬ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евсения Медведева

Сдавайся, это любовь...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69659032

SelfPub; 2023

Аннотация

«Боженька, ну где все мужики-то нормальные? Ну, хоть одного бы! Одного! И ведь прошу немного... Хочу сильного, смелого, горячего настолько, чтоб прикуривать можно было... Я буду очень хорошей девочкой... Клянусь. Аминь!» Это безбашенное, головокружительное приключение началось именно с этой неаккуратно брошенной фразы, в самом центре родного бара. А дальше? Дальше кара не заставила себя долго ждать. Мы с подругами ошалело наблюдали за траекторией полёта выскользнувшей из моих рук бутылки ровно до громкого мужского «Ой!»... Поздно пить Боржоми, когда сама сделала заказ... Поэтому сдавайся, это любовь...!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	18
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	66
Глава 8	84
Глава 9	92
Глава 10	101
Глава 11	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Евсения Медведева

Сдавайся, это любовь...

Пролог

Я распахнула глаза от навалившегося неуправляемой лавиной ужаса. Стала хапать ртом воздух, будто кто-то сжал шею. В горле пересохло, голова трещала, как полено в камине. Кое-как поднялась в кровати и пошатнулась от внезапно-го головокружения. Странная музыка, крики и гомон заглушали все мысли, я словно в вакууме зависла, отчаянно пыталась прийти в себя, но ничего не выходило. Чистый лист, где есть я, гудящая голова и холодные скользкие простыни. Чёрт... Что за комплект такой с охлаждающим эффектом? Я притянула край простыни к лицу, вдохнула густой аромат ополаскивателя для белья и подзависла. Не тот запах... Я люблю засыпать и просыпаться в облаке свежести, оттого и меняю бельё раз в три дня, а этот аромат мне незнаком.

Меня словно парализовало! По позвоночнику побежала ледяная волна страха, а руки затряслись мелкой дрожью.

Пыталась осмотреться, но моя густая грива спутанным занавесом лежала на лице. Пальцами постаралась разделить сбившиеся в войлок пряди, волосы цеплялись за кольца, больно оттягивая кожу. Давно надо было подстричь гриву,

а мне всё жалко было. Вот теперь, Люсенька, наслаждайся этими шторами, из-за которых ни черта не видно.

– Блииин! – зашипела я и, устав сражаться с ветряной мельницей, подхватила всю копну и задрала вверх единым занавесом...

До того, как зрение смогло сфокусироваться, позволив воспаленному мозгу проанализировать окружающую обстановку, я почувствовала движение за спиной. Матрас стал подозрительно проминаться, а белоснежные простыни, в которых я была завёрнута, как мамин голубец, стали натягиваться, сползать, открывая мне собственную наготу. Я машинально бросила волосы и схватила уползающий край ткани, инстинктивно пытаюсь прикрыться.

Нет, теперь прикрыта, конечно, но опять ничего не вижу! – Доброе утро... – прошелестел тихий, сонный и явно МУЖСКОЙ голос за спиной.

Я не то что вздрогнула. Да я подпрыгнула на кровати, слыша лишь дикое биение собственного сердца. Обернулась, но бесполезно это было, потому что ни черта не видела. А убрать шторку с глаз было попросту нечем! Одной рукой я сжимала обнаженную грудь, второй держала клочок простыни, опасно потрескивающий от натяжения. В голове зашуршали бредовые мысли, нехотя пробирающиеся сквозь густую пелену похмелья.

Так... Вчера я была с подругами в баре. Потом? Что было потом?

Где я?

Что делать?

Отпустить простынь или грудь?

Чёрт... Никогда не думала, что встану перед столь сложным выбором. Если отпущу грудь, то смогу поднять занавес волос, а если отпущу простынь, то покажу свою бразильскую эпиляцию какому-то мужику!

Докатились, Курочкина, просыпаемся хрен знает где... Дальше что? Панель? Алкоголизм?

Понимала, что не шевелюсь и дышу через раз, что выгляжу сейчас полной идиоткой, но ничего не могла сделать. Меня словно парализовало, я вновь и вновь прикидывала все за и против, но не могла решиться: пирожок или тити? Тити или пирожок?

Чёрт, как сложно! Мамочка! Ты же заставляла меня учить геометрию, а не метаться между двумя вариантами, где один абсурднее второго.

– Ты же в курсе, что я тебя вижу? – снова раздалось за спиной.

Этот нахал ещё и посмеивался! Затащил в свою берлогу, опоил чем-то, раздел... И смеётся? Сквозь пылающий гнев я пыталась вспомнить этот голос. Он был мне смутно знаком, но картинка всё никак не складывалась в голове.

– Ты кто? – по комнате полетел мой испуганный шепоток.

– Твой подарок, малы́ша. Я твой подарок...

– Чёрт, – зашипела я и, отпустив простынь, откинула во-

лосы назад. Но лучше бы я этого не делала. В ворохе скомканных простыней и раскиданных по кровати подушек лежал охренительный красавчик.

Мамочка... Мамочка моя... Что происходит?

Я уже вовсе забыла про то, что оказалась голой. Судорожно растирала глаза, практически выколупывая песок осыпавшейся туши, чтобы рассмотреть лицо моего «подарка». Курочкина, что за жеребец? За такие подарки потом карму ещё полжизни отмаливать приходится, а в следующем перевоплощении и вовсе быть муравьём, или крысой придётся родиться. Б-р-р...

– Только не говори, что ты ничего не помнишь, – рассмеялся он, лениво потягиваясь. – Не огорчай меня.

Боже... Боже... Соберись, Люсенька... Да я забыла ко всем чертям, что лицо собиралась рассматривать! Честно! Прошу это зафиксировать под протокол!

Мои глаза сами заскользили по широкому развороту плеч, будто выточенным из камня мышцам рук, плеч и словно нарисованному торсу. Подушечки пальцев запекли, желая лишь одного – вновь и вновь пересчитывать кубики пресса.

Не подарок, а шоколадная конфета без обёртки, ей Богу! Во рту всё пересохло, кровь заиграла драм-н-бейс в ушах, и я уже ничего не слышала. Тыщ-тыщ-тыщ... Как кошка облизывалась на сметану. И это не фигурально...

– Людмила Аркадьевна, – протяжно протянул он моё имя, и весь хмель мигом слетел... Меня словно в прорубь броси-

ли, а перекрестить и вытащить забыли!

Дёрнула головой и зашипела, падая грудью на кровать, чтобы сохранить хоть какие-нибудь остатки гордости. Отчаянно сгребала простынь, пытаюсь прикрыться, но эта долбаная ткань отказывалась подчиняться, потому что была во власти мужчины...

Он сжимал край, медленно накручивая его на внушительный кулак. Смотрела, как сильные мужские пальцы перебирают шелковистую ткань, и готова была капать слюной. И я так засмотрелась, потеряв бдительность, что и не заметила, что ползу к нему, как раненый зверь – на лассо.

Потянула носом, ощутив, как облако тонкого мужского парфюма поглощает меня с каждым вдохом. Сама того не понимая, застонала от дерзости одновременно чего-то сладкого, как шоколад, и свежего, как морской бриз.

Слабачка! А ну соберись!!! Возьми себя в руки и прекрати вести себя как мышь, дуреющая от губительного аромата сыра. Это ловушка!

– Людмила Аркадьевна... – вновь зашептал парень за мгновение до того, как моя голова оказалась практически вжатой в его торс.

Ну ладно... Не совсем торс. И не совсем вжатой... Я просто опустила подбородок на бугор, прикрытый ворохом простыни. И что-то мне подсказывало, что с твердостью его агрегата всё отлично. Хотя... Проверить бы, конечно...

– Чибисов, мать твою! – завопила я, ужаснувшись от соб-

ственных мыслей, вскочила с кровати. Рванула дверную ручку, сама не понимая, куда и зачем бегу. Квартира была незнакомой, но на удивление светлой, современной и даже кристально чистой.

– С матушкой уже хочешь познакомиться? – хрипло засмеялся он. – Не рано?

– А ну быстро говори, как я очутилась у тебя?

– Меня Кирилл зовут, малы́ша, если вдруг ты забыла, – снова засмеялся парень, откидываясь на пышные подушки. Он идеальным Аполлоном лежал на переливающимся сатине, абсолютно не стесняясь наготы. И взгляд у него был такой въедливый, исследующий...

– Мне пофиг как тебя зовут, ясно?

Я сайгаком плясала по незнакомому пространству, вторя обезумевшим мыслям.

Сбежать?

Отведать свой «подарок»? Или я уже отведала?

Нет, всё же бежать...

– Ты территорию метишь, Люсь?

– Где мои вещи, Чибисов?

– Какие вещи, малы́ша? – он заиграл бровью, а потом быстро выпутался из кокона простыней и встал.

Я захныкала, как маленький ребёнок, пытаюсь найти то, чем можно прикрыться и не смотреть на его откровенно выдающееся хозяйство! Но не могла...

Его «орудие» словно магнитом притягивало мой взгляд!

Такое... такое... аппетитное? Чёрт, да что же я несу? Я как городская чумачечая голяком плясала по коридору, пока не напоролась на зеркальный шкаф... Эх! Туда и спряталась.

– Мои вещи!

– Поцелуй? Обожаю нежности по утрам, – Кирилл резко стукнул костяшками по двери, отчего перепонки зазвенели миллионом расстроенных скрипок.

– А меня как должны волновать твои извращенские предпочтения? Тёлкам своим мозг пудрить будешь, Чибисов. Гони вещи!

– Ага, щаззз... Бегу и падаю. Номер полиции подсказать? Или догадаешься? – Кирилл резко раздвинул створки, всунул голову и абсолютно по-хамски чмокнул в губы. Да так звонко! Гад! Оглушить меня хочет?

Сцепила двери пальцами, судорожно подгоняя здравые мысли. Но проблема в том, что их попросту не было... Со всем! Ни одной грёбаной здоровой мысли! Голова превратилась в дуршлаг, а тело – в сладкую вату.

Старалась не думать, подсматривая за тем, как Чибисов с наскока взобрался на турник и, как ненормальный, начал подтягиваться. Его руки стали походить на рисунок из учебника по анатомии, каждая мышца была напряжена, а словно отлитые из стали вены манили пробежаться пальчиками по всей длине их замысловатых узоров. А спина... Плечи расправились огромными крыльями, словно хищник готов был напасть на свою жертву.

«Опасность! Опасность!» – скандировал мой мозг, пока я паялилась на идеальный мужской треугольник и не менее шикарную задницу. Этаким крепкий орех, который хочется проверить на зубок. Мамочка, роди меня обратно! Это вообще законно – иметь задницу круче, чем у заядлой фитнес-дивы? Нет! И ещё сто раз нет!

В тёмное пространство полупустого шкафа проникала робкая полоска света, я начала осматривать своё вынужденное убежище и вздрогнула...

Чёрт! Это что, «вас снимает скрытая камера»?

На штанге нервно громыхали вешалки с полицейской формой. Кители сверкали звездами на погонах, а пуговицы дразнили горящую от странного нервного возбуждения кожу быстрым хаотичным касанием холодного металла.

Выдохнула я, лишь увидев сиротскую чёрную мужскую майку на дальней перекладине.

Слава Богам египетским... Потому что мой ничего не сделал, чтобы вытащить Люсеньку Курочкину из этой клоаки. Но, может, ещё опомнится, а? Потому что чудо мне сейчас совсем не повредит.

Я быстро натянула майку и гордо вышагнула из своего укрытия.

Внутри все клекотало от желания убить этого обворожительного гада! Сжать пальчики на его шее и душить-душить-душить... За что? Да за всё! И за моську как с картинки, и за тело, что горячее уголька в адском пламени, и за

взгляд этот блядский, от которого жар накатывает к самому горлу...

Чёрт... За что он свалился на мою голову? Ведь с момента нашего знакомства всё вверх дном перевернулось, теперь что ни куча дерьма на моём пути – там Чибисов. К бабке не ходи!

Точно... К бабке надо сходить, пусть пошепчет там что-нибудь, полынь пожёт, лишь бы свалил уже в туман и не отсвечивал больше этот малолетка... Ну и раздвоение моей возбуждённой личности пусть вылечит, потому что это ненормально – хотеть убить и оттрахать одновременно!

Ладно, с малолеткой я немного погорячилась. Пусть на три года, но ведь младше! Младше! Мне в этом году аж тридцать семь будет, за спиной два с половиной неудавшихся брака, ипотека, кредит на подержанную Тойоту и вагон неверия в Прынцев!

А у него?

А ему тридцать три, бескрайнее море возможностей, очередь из смазливых девиц и стояк, которым гвозди можно заколачивать. Вот и пусть этот «плотник» работает в какой-нибудь другой столярной мастерской, моя закрыта на учёт ошибок, упущенных шансов и так стремительно тающей молодости.

– Шикарный вид, малы́ша, – Чибисов словно устал слушать, как копошатся мои мысли, прыгнул с турника и абсолютно бесстыже стал лапать меня глазами, будто это я голая стою, а не он. – А можно мне завернуть этот вид?

Прошлась взмокшими ладонями по майке, что из-за длины даже «пирожок» прикрывала, и выдохнула с облегчением... Всё чинно, благородно.

«Не ссы в трусы, Люсь. Разберись с придурком, и ва-лим!» – приказала самой себе и гордо вскинула подбородок.

– Чибисов, отдай вещи, и разойдёмся, как в море корабли, – я даже руками в бока упёрлась, дабы подчеркнуть всю степень собственной решительности.

– А может, я не хочу, как корабли? Что тогда? – Кирилл внезапно сделал такой добротный шаг ко мне навстречу и застыл.

Нас разделяла всего какая-то пара миллиметров. Я слышала аромат его парфюма, ощущала жар натруженных мышц. Пульс мгновенно подскочил, а вот решительность моя пошла в крутое пике... Естественно, потому что от макушки до пяток молнией Зевса меня током прошибало. Вновь и вновь... Разряд пронизывал каждую клетку тела. Во рту всё пересохло, а ноги стремительно теряли силу.

Я затряслась мелкой дрожью, боясь посмотреть ему в глаза. Уставилась на его мощную шею и плечевые мышцы, не доверяя самой себе. Чувствовала, как напрягаю глаза, а они сопротивляются, то и дело косясь вниз, чтобы вновь увидеть «крепость молодого духа».

– Поцелуй, Люсенька. По-хорошему прошу, – Чибисов зашептал, едва касаясь губами моего лба, а меня аж передёрнуло. Соски вмиг стали болезненно твёрдыми, а то, как из-

за частого сердцебиения они касались его груди, раздражая нежную кожу о шероховатость ткани, выводило из себя!

Это что за на хрен тут творится? Я словно оголённый провод колыхалась рядом с ним! Как десятиклассница перед первым «ой» с сыном маминой подруги!

Соберись, Люся! Соберись!

– А то что, Чибисов?

– Людмила Аркадьевна, – мужчина с грацией тигра стал кружить вокруг меня.

Его взгляд был пугающими. Огромные глаза потеряли цвет, и я даже не помнила его, потому что все пространство заняли зрачки... Он был похож на маньяка. В черных кругляшах сношались черти и изредка ради забавы поджаривали друг друга на костре.

«Опасность! Опасность! Люся, дура тупорылая, беги отсюда, пока не поздно!!!!» – мозг мог сколько угодно раз посылать мне эту здравую мысль, но я не слушала, потому что просто не могла!

Прибитая, стояла в центре его квартиры и дышала через раз. А когда он заходил мне за спину, и вовсе замирала. Что ещё от него можно ожидать? Петлю на шею? Ножичек к горлу? Вот же повезло, быть под старую жопу изнасилованной в квартире наглого мента! Проводи – не проводи реформы, а мент – он и в Африке мент! Чёрт... А как я оказалась в его квартире? Мы что??? Того...? Уже меня... Бля! Мозг, просыпайся, давай, подкидывай мне картинки вчерашней пят-

ницы!!!

Как только Чибисов дал очередной круг почёта вокруг меня, я жалобно застонала, столкнувшись с собственным отражением в ростовом зеркале в углу гостиной. Майка, которую я нацепила на себя, была абсолютно прозрачной... Испещрённая миллиардом мелких дырочек ткань даже не делала попыток скрыть и мои увесистые, оттого и «унылые» бедончики, и игривую полоску, слава Богу, свежей эпиляции. В ярком утреннем свете я была снова голой... в центре незнакомой квартиры под прицелом двух сумасбродных глаз.

– Чибисов, отдай вещи, – я повторяла одно и то же, как забуксовавший патефон. Слова выстрелами вылетали изо рта, совершая последние попытки остановить это безумие.

– Люсенька, постой ещё вот так. Как Афродита в центре холостяцкой берлоги. Ты, между прочим, сорвала девственную плеву с моей квартирки, поэтому, как порядочная девушка, обязана нам приготовить завтрак. Ладно... – Кирилл сделал пару шагов назад, позволив вдохнуть полной грудью, чем-то брякнул и через мгновение снова вернулся за спину. – Сам приготавливаю, ты просто стони от удовольствия и ротик открывай...

– А спину тебе вареньем не намазать? – взвизгнула я и уже хотела было броситься бежать, как мои руки взмыли вверх. Левое запястье обожгло холодом металла, и меня будто подбросили в воздухе, а затем раздался отвратительный скрежет, не предвещавший ничего хорошего.

– Чибисов!!!! – орала я, смотря, как и вокруг второго запястья захлопывается браслет наручников. Этот придурок умудрился подвесить меня на турнике! Я даже стоять нормально не могла! Еле касалась пальчиками пола, шипя от резкой боли. Кожу сжимали холодные браслеты, а эта дебильная майка задралась до середины живота.

– Курочкина, а ведь я предупреждал. Поцеловала бы, и всё, считай, уже дома, в тёплой кровати. А сейчас... Соррян, короче, – Кирилл, увернувшись от моей ноги, проскользнул на кухню и включил кофемашину. Он встал у барной стойки, облокотился, мечтательно подставив под подбородок кулаки. – Ну, красота же... Ей Богу, идеал женщины.

– Придурок! И шутки у тебя соответствующие!

– Пыхти-пыхти... Это только возбуждает меня, Людмила Аркадьевна. Ты же давно уже поняла, чем сильнее сопротивляешься, тем сильнее я хочу тебя. Да? Поэтому ты и играешь со мной, как кошка. Вот только, малы́ша, я не мышка. Далеко не мышка, – Кирилл взял чашечку и стал смаковать кофе, а мне ещё обидней стало. Я хотела взглядом дыру прожечь в его голове – пустой и абсолютно бесполезной. Свои погоны он плечами носит, а значит, черепушка ему не нужна! Эх... Хотела прожечь голову, но взгляд упал ниже, под столешницу...

Я, как рыбка, хапала обжигающий воздух. Сначала стало холодно, а потом внезапно жарко. По телу испуганным табуном побежали мурашки, а живот вновь стянуло в стран-

ном спазме абсолютно неуместного возбуждения. Я даже ноги свела вместе, лишь бы не закапать его пол из светлого дерева.

– Ой... А что такое? Что это мы заёрзали? Уж не угодила ли ты в собственную ловушку? – Чибисов, сука, оказался внимательным. Оттого и улыбка его стала такой похотливо-довольной. Он сделал ещё глоток, а потом, оттолкнувшись от столешницы рукой, пошёл в мою сторону. Потянул носом, как охотник, поймавший след раненого зверя, и оскалится.

– Людмила Аркадьевна, поздравляю, теперь ваша очередь быть мышкой. И я уже иду желать вам доброго утречка...

Какое утро? Какое??? Мама, забери меня!!!

Мамочки...

Глава 1

– За свободу!!!! – голосила моя подруга Аннушка Лисицына, отплясывая на столе ночного клуба. Она поливала сверху всех шампанским, думая, что веселее ничего быть не может. Дурочка, но ничего, завтра протрезвеет, и пройдёт, а теперь пусть резвится, лишь бы не плакала.

– Ань, давай уже спускайся, – я гоготала так, что стоять могла, только вцепившись руками в барную стойку. Бармены аплодировали, улюлюкали и подначивали мою подругу вовсе снять платье. Но Лисица хоть и была в дровинушку, но честь свою блюла, как матушка завещала, чем огорчала собравшуюся толпу мужиков.

– Пошлю его на ... небо за звёздочкой! – горланила она уже в сотый раз одну и ту же песню, от которой тошнило не только меня, но и весь бар «Чёрная вода». Диджей в последний раз вместо ста рублей содрал с неё пятьсот, за моральный ущерб, очевидно. – Никаких больше мужиков! Курочкина, я тебе слово даю! Вот те ... крест.

– Зарекалась девка не е**ться, за**алась девка зарекаться, – я вовремя подхватила Аньку за щиколотку, стянула с лакированной поверхности и потащила к нашему столику, потому что всё это время она бесплатно сверкала труселями за чужим. Вернее, на чужом. – Прошу прощения, джентльмены. Больше вас не потревожим.

Я подмигнула ошалелым мужикам, одному даже протёрла ладошкой покрывшуюся испариной лысину и скрылась в толпе.

– Ань, это всего лишь развод, а не миллион, выигранный в лотерее, побереги феерию для более существенного повода! – я еле дотащила её до нашего дивана, где дожидались нас подруги. – Ника, этой разведёнке больше ни-ни! Или сами пойдёте её честь караулить.

– Эх, чёрствая ты стала, Курочкина! Сама-то уже три развода пережила, а мне порадоваться не даёшь нормально, – Анька села рядом со своей сестрой Машей, звонко чмокнула ту в лоб и снова стала размахивать свидетельством о разводе, как белым флагом капитуляции.

– Вообще-то два, но зришь в корень, – признаться, настроение было дерьмовей некуда, и сколько бы я не заливала его шампанским, легче не становилось. Надо было дома остаться, хотя... Не обмыть развод очередной подруги – грех. А у меня своих полно, этот явно лишний.

– Люсь? – Ника откровенно грохнула челюстью. – Кура на ошип?

– Это ещё кто кого ошипывает, – я осушила бокал и кивнула официанту, взмахнув пустой бутылкой. – Он же за последний год только тратит! То стартап какой-то замутил, прогорел, естественно, а Люся долг его возвращала банку. В прошлом году в совместную закупку шмотья из Китая вязался, дальше догадаетесь. А сейчас он курсы кулинарные

оканчивает у какого-то звёздного повара, шефом вся Руси стать желает или ресторатором, я уж не помню. Да он всё желает, кроме как работать на дядю. Короче, эта содержанка с увядшим на фоне неудач либидо меня уже достала. Знаете, вот все говорят, как сложно найти любовь, а я считаю, что сложнее не убить её.

– Чё, прям увяло? – Анька даже смеяться перестала, только изредка икала, то и дело припадая губами к пустому бокалу.

– Пустыня Сахара...

– Так заведи себе кого-нибудь, для плотских утех, – Ника заиграла бровями. – Давай, Курочкина, вижу тебя, как облупленную! Рассказывай...

– Да завела, вот только на душе кошки скребут каждый раз, когда возвращаюсь домой. Вижу это недоразумение в семейниках, которые без ума и памяти строчит ему маменька, и прям стыдно становится. А трусы ещё в рисунок такой гаденький. То ли рябина, то ли календула... Хрен их, чокнутых подпольных аптекарей, разберешь! – я почти выхватила бутылку из рук официанта, зубами вытащила пробку и стала разливать по бокалам. – Он смотрит мне в глаза и душу выворачивает. Меня ноги домой не несут уже, придумываю дела, встречи, забиваю выходные активностью, а потом, выжатая как лимон, снова плетусь в понедельник на работу.

– Чё, прям не взбалтывает твою чернильницу своим пёрышком? – зашептала Аня.

– Да он уж и забыл, где та чернильница находится, я только пятна оттирать в туалете успеваю и порнушку, вклеенную в сканворды выбрасываю, конспиролог хренов. А он, падла, новые кладёт! И ведь не стыдно... А я вот знаю, что его либидо убивает. И трусы эти парашютами, чтобы кокушкам дышать было чем, и матушка, освоившаяся в моей гостиной. Она ж из своего мухосранска раз в два месяца приезжает, а живет потом все полтора.

Я только сейчас поняла, насколько взвинчена. Одно лишь упоминание о моем весёлом семействе вызывает мигрень и заставляет трезветь. Но проблема в том, что пока они оккупировали мой дом, трезветь не хочу Я!

– Люсь, ты ж у нас бой-баба, прихлопни этого таракана, и адъёс, амигос! В чём проблема? – Машка выдохнула облако кальянного дыма, смеясь, как Ника кашляет и руками разгоняет его.

– Солдат ребенка не обидит. Слышали фразу? Так вот, я – солдат! – взмахнула бутылкой и завопила: – Боженька, ну где все мужики-то нормальные? Ну, хоть одного бы! Одного! Хочу сильного, смелого, горячего настолько, чтоб прикуривать можно было... И член чтоб прямой был крепкий, как стрела индейца! Я буду очень хорошей девочкой... Клянусь. Аминь!

И как раз в момент, так сказать, воссоединения с Богом, из моей руки вылетела бутылка.

– Ой... Мамочки!!! – верещали девки, пока мы, как за-

колдованные, отслеживали траекторию полёта.

Объект вроде опознанный, так красиво летящий, но, сука, опасный для жизни... Да и остатков шампанского жалко. Пока мои пьяные мысли судорожно перебивают страх, бутылка теряется из виду, но зато слух взрывает звон бьющейся посуды и отборный мат...

Мужские голоса возмущённо бухали, а мне вдруг зябко как-то стало. Я начала отчаянно хохотать, делая вид, что Вероника отлично пошутила, игнорируя дичайший ужас на лицах подруг и огромные блюдца ошеломленных глаз, направленных мне за спину.

– Гражданочка, не вы потеряли? – горячее дыхание ошпарило шею. Вдоль позвоночника вальсом пошли мурашки, а мелкие волоски стали дыбиться и щекотать кожу.

Глава 2

– Гражданочка, не вы потеряли? – горячее дыхание ошпарило шею. Вдоль позвоночника вальсом пошли мурашки, а мелкие волоски стали дыбиться и щекотать кожу. Застыла ледышкой, судорожно думая, что делать дальше.

– Я ничего не теряла, – пожала плечами и спрятала правую руку под стол, потому что в ладони осталась этикетка. Предательница! Что, тоже не могла улететь вместе с бутылкой? – У других поспрашивай, милочек.

– А-а-а-а... Вы, девчат, гадали, что ли? Как там... Суженый-ряженный, да? – чувствовала, как мужчина то приближается, едва касаясь чувствительного участка шеи губами, то ведёт кончиком носа по кромке волос. Вроде, по-хорошему, развернуться бы и втащить ему по морде, а ссикотно. Ладно, отсижусь, а он сам исчезнет, если внимания не обращать. – Так там сапожок бросали, милая. А не тару из-под шампунсика.

– Ой! Правда? – я фальшиво улыбнулась и дёрнула головой в его сторону. – Жив, здоров? Тогда не мешай шаманить, отпугнешь ещё нормального мужика, а мне позарез, может, надо.

– Вот это тебе повезло, красавица, – как-то не по-доброму зашипел мужчина.

Спинка дивана скрипнула, качнулась, и внезапно рядом

со мной опустилась чья-то задница. Признаться, мне было так стыдно, что я даже глаза поднять не могла. Тупо пялилась ему в пах. Идиотка. Курочкина, ну какая же ты идиотка...

– Вот он я, гроза твоих эротических снов и, без лишней скромности, идеал всех идеалов. Забирай, малы́ша, владей и пользуйся на своё усмотрение. Приветствую, барышни. Показания, кстати, давать будем или по классике жанра пойдем, в несознанку?

– Показ-з-з-ания? – загудели девчонки, сбившись кучкой испуганных воробушков на противоположном диване.

– Тяжкие телесные, не иначе.

– Чего??? Да на тебе ни царапины! – взвыла я, с силой закрыла глаза, надеясь, что всё само как-нибудь рассосётся. Как прыщ. Бля, да кого я обманываю? Ни один нормальный человек не ждёт этого самого рассасывания. Антинаучный факт.

– А как ты это поняла, когда все время пялишься на мой член? Может, помочь? А то фантазия твоя уже по швам трещит. Ты только скажи, я с радостью предъявлю орудие для профосмотра, – он снова нагло вторгся в моё личное пространство и шумно вдохнул. Подцепил выбившийся из хвоста локон и стал играть им, явно призывая меня повернуться. А вот фиг тебе! – Тут и аморалкой пахнет... Шас немного протрезвею от твоего охренительного взгляда и даже статью вспомню.

– Что-о-о? – такого хамства я уже терпеть не могла.

Ну почему мне встречаются одни придурки? Я взвыла и распахнула глаза... Чёрт! Лицо незнакомого мужчины было всё в крови, густые струи медленно стекали с волос по виску и расплывались пятном в густой щетине. Огромные серые глаза сверкали фейерверком, вот только что за ними, понять я никак не могла. Какая-то бескрайняя мгла, в редких бликах которой поигрывало пламя. Смотрел в глаза, вроде, а казалось, что раздевает. Ощущала его липкий, похотливый взгляд по всему телу. Он словно ласкал меня, ощупывал, изучал. Ощущала себя шоколадным кексиком на витрине кондитерской, а он диабетик, которому остаётся только облизываться.

– Ну, малы́ша, как извиняться будем? Чур, я не люблю классику, скучно от неё мне, и в сон тянет. Придумай что-нибудь этакое...

– Пошёл ты! – не знаю, откуда во мне столько злости взялось. Внутри всё заклокотало, и я, не жалея ладоней, долбанула ими в его крепкую грудь, но на этом силы меня и покинули, а руки предательски согнулись в локтях. Я буквально впечаталась в его лицо. Губами ощущала вязкую влажность на его щеке, сдаваясь дикому ужасу от осознания, что я ранила человека! Но внезапно носа коснулся какой-то до боли знакомый запах. Сама от себя не ожидая, вытащила язык и так смачно лизнула щёку незнакомца! Медленно скользила от уха по самой кромке его челюсти, наслаждаясь любимым

вкусом КЕТЧУПА!

– Ах ты, шутник недоделанный!

– Значит, не извинишься? – его серые глаза стали темными, как ночное небо. Зрачки увеличились, а из голоса пропала вся звонкость. Мужчина так нагло опустил обе руки мне на талию, удерживая в своих объятиях. А я смотрела в его глаза и дурела. Это было похлеще, чем пузырьковое шампанское. Мозг плавился, тело млело, а вдохи становились тяжелыми от отсутствия какого-либо расстояния между нами. – Подумай ещё разок.

– Я ещё раз могу только послать...

– А тебе не говорили, мальыша, что язык у тебя острый, как лезвие ножичков для метания?

– Так и ползи отсюда, мальчик мой, по-пластунски, чтоб не зацепило ненароком! – понимала, что не стоит вот так разговаривать с незнакомцами. Но ничего с собой поделать не могла! Тонула в тумане его блядских глаз, периодически слизывая солоноватый соус с губ. Щетина царапала кончик языка, но я продолжала... Как кошка, лакомила сметанкой из хозяйского блюдца, подкрадываясь к его губам всё ближе и ближе... Как адреналинщица, наслаждалась этим мгновением.

– Но ты же прикроешь меня от свистящих пуль? Буду в тылу, а ты – в коленно-локтевой, к примеру? Повернись-ка буквой ЗЮ, я тебе любовь вонЗЮ...

Да я даже возмутиться не успела его хамским эротиче-

ским фантазиям! Коленно-локтевая? Это которая в народе «раком» называется?

Нет, он, конечно, похабник конченный, но какой же красивый! Грудь внезапно завибрировала, сердечко как шальное забилося, а дыхание превратилось в рваные стоны. Это что, маму вашу, желание?

Хочу мальчонку этого распутного?

Хочу. Желательно голого, и в кетчупе.

Но моим эротически-кулинарным фантазиям завершиться было не суждено, потому как этот гадёныш буквально впился в меня адски грубым поцелуем! Его твердый язык мгновенно развел мои губы, лишив возможности дышать. Это был не поцелуй! Этот мавр просто трахал меня своим языком на виду у всех. А я поддавалась...

Вдыхала опьяняющий аромат мужского тела, поддавалась его ласкам и тряслась, как лист осиновый. Слышала удивленное присвистывание Лисицыной, вздохи Ксюши и Ники, а также всеобщий гомон, что плотным кольцом замкнулся вокруг нашего столика. Вот только проблема в том, что повышенное внимание, кажется, имело обратный эффект. Этот наглец все усиливал напор, и я уже чувствовала его горячие ладони на своих ногах...

В этот момент челюсть моя непроизвольно сжалась, стискивая извивающийся язык мужика меж зубов. Он замычал, пальцы впивались в колени, но и это не произвело на него нужного эффекта. Жертва летающей бутылки так нагло под-

хватил меня, усаживая себе на колени, что я от удивления открыла рот, освобождая своего пленника. А вот рука сработала четко!

Годы тренировок, и ни единой осечки.

Гул и свист заглушил звонкий хлопок, это на смену летающей бутылки пришла летающая ладонь.

– Малыша... – мечтательно протянул мой случайный партнер по бесконтактному сексу. – Ты зря сопротивляешься. Сразу видно, физику не учила.

– Зато я учила уголовное право и химию. Поэтому у тебя два пути: либо сядешь, либо обосрёшься...

Не отрываясь, смотрела в его пьяные от возбуждения глаза, медленно слезая с его колен. Казалась самой себе мелкой мышью перед разгневанной коброй, что готова в любой момент броситься на меня. И лишь отойдя на приличное расстояние, бросилась бежать со всех ног прочь от этого фокусника. Нет... Шулера, с которым, сев хоть один раз перекинуться картишками, можно уже прощаться с квартирой, почкой и встречать своё разбитое в лохмотья сердце. А этого я никому не позволяла. Сама могу размотать кого угодно, а свое сердечко не отдам...

Я смеялась в голос, оборачивалась, чтобы убедиться, что не видение, что это всё по-настоящему. Прижимала подрагивающие пальцы к распухшим от его поцелуев губам, вдыхала отчетливый аромат его парфюма с рук и хохотала.

Подруги тоже сориентировались оперативно, поэтому

подхватили свои вещи и рванули следом, прикрывая мой тыл от всяких там ЗЮ...

Глава 3

– Люся! Что это было? – Вероника подпрыгивала от нетерпения начать меня пытаться. Да что Вероника... Во взгляде каждой из подруг пылал немой вопрос «какого хрена?», а я бы знала...

Сама от себя в шоке. И от смелости, и от реакции тела. Я, словно изголодавшаяся львица, впитывала касания незнакомого мужчины! Как озабоченная, наслаждалась поцелуем, пыталась надышаться его ароматом и млела от сумасбродного напора. Давно мне такие крепкие орешки не попадались. Очень давно... И что греха таить, интересно было так, что аж сердце заходило, как ненормальное.

Боже! Что я несусь?

Отмахнулась от подруг, давая понять, что диалога ждать не стоит, и припала лицом к холодной стекляшке автобусной остановки, за которой мы прятались, ожидая такси.

И ведь хорошо, что спрятались, потому как следом за нами вылетела шумная группа парней. Они громко смеялись, травили какие-то шуточки, и лишь вышедший последним был спокоен и серьёзен. Мой взгляд просто прилип к тёмному силуэту, но он будто услышал мои мысли, ловко вложил в губы сигарету и щёлкнул зажигалкой. Секундная вспышка озарила его лицо, и я затряслась...

Триггер, ей Богу! Меня словно в ледяную прорубь окуну-

ли, а по телу стала гулять неконтролируемая волна тех нелепых, внезапных и совершенно неуместных эмоций. Кожа запылала от воспоминаний о его наглых и жадных касаниях. По шее побежали мурашки, вторя его дыханию, а мысли превратились в оливье...

Моё сердце снова сделало кульбит, упало на дно матки, отрикошетило к лёгким, осушило горло и вернулось на место от одного только взгляда на него. Я не шевелилась, срослась с ограждением, рассматривая его с ног до головы. Вроде ничего особенного: джинсы, белая футболка и косуха, а выглядел, как Бред Пит на красной дорожке. И эта походка его вальяжно-блядиная, и бесстыже-охренительный голос, в котором вибрировала сексуальная хриплость, всё в нём было, как с картинки. Нет... Всё в нём было, как из горячего фильма для взрослых, где он, отвязный хулиган, разбивает сердце милой скромницы.

– Распущенный мерзавец, – шептала я, откровенно плясая на его задницу. Боже... Это ж издевательство!

– Кто ж его распустил? – безмолвно хохотала Ника, пританцовывая на своих красивых, но неудобных шпильках.

– Распускают носки и слухи, Курочкина, а он просто распутный, – Анька рухнула лицом мне в спину, лишь бы не рассеяться в голос.

– Распущенный он, что, не видно? – кусала губу, старательно отворачиваясь от пытливых взглядов подруг, чтобы лишнего не показать. – Всё! Решено! Распущенный мерза-

вещ! И не спорьте со мной. Вы вообще слепые, что ли? Не видели, как он меня домогался?

– Это ещё кто кого, Курочкина...

– Ой, а понравился, да? Сердечко тук-тук сделало? И уже на свекровь в гостиной наплевать, и на парашюты в рябину, да? – Ника передразнивала меня, корча моську. – Чего тогда стоишь? Иди, давай, пройди мимо, шикани своей зачётной задницей, Курочкина, сделай вид...

– ... что просто мусор выносила! – не удержалась Анька, вставила свои пять копеек, а потом со всей дури укусила за плечо, хороня смех.

– Дуры, бабы, ей Богу!

Но я даже понять ничего не успела, как у тротуара с визгом тормозов остановилась полицейская машина. Яркие вспышки мигалок разрезали темноту, лишая нас отличного укрытия. Анечка зашептала и потащила нас за мусорный бак, чтобы уж точно не нашли. А когда я отдышалась и всё же выглянула, то у входа в клуб уже никого не было. Исчез... Как появился, так и растворился.

– Так ему и надо, придурку! – меня вдруг словно отпустило, смех щекотал горло и ласкал губы, что ещё так отчетливо помнили нежность его поцелуев. Станный... Как буран. Внезапно накрывает, и ты уже в его плену без права на какое-либо сопротивление. Да какое там может быть сопротивление? Со стихией не спорят...

– Люсь, телефон, – Мишина вышла из укрытия первой,

аккуратно подходя к краю дороги, чтобы убедиться, что мы одни.

– Алло, Марьяна Дмитриевна? – я чуть язык не проглотила. Моя «сочная» клиентка просто так в три часа ночи звонить не станет. Для этого же повод нужен. Оттого и беспокойно вдруг стало.

– Людмила Аркадьевна! Я в полиции!

– Где?

– В пятнадцатом отделении, на Фрунзе...

– Я знаю, где это, но что вы там забыли?

– Я мужа уби-и-и-ила... – взвыла Купатова.

– Чёрт! Так, чтобы я больше не слышала этих слов, Марьяна Дмитриевна. Буду через двадцать минут, и до этого я бы советовала ни с кем не разговаривать.

Хмель в один миг растворился, в кровь выбросило дозу адреналина, а мозг со скрипом стал проворачиваться, пытаюсь понять, какого хрена произошло?

– Люся! – Анечка размахивала рукой, придерживая открытую дверь такси. – Давай шустрее.

– Чёрт, девки, придётся покататься, – я плюхнулась на переднее сиденье и явно удивила сонного водителя адресом полицейского участка. Мужчина подозрительно осмотрел нас, но с места тронулся.

– Люсь? Ты его знаешь? – холодные пальчики Лисицыной стали гулять по моей пылающей шее. – Давай, колись. Это и есть твоя таблетка от Кура? Да?

– Девки, я его впервые видела, и, дай Бог, больше не увижу!

Эх... Что я там говорила Анечке про зарок? ...

Пустые ночные улицы встречали нас мигающими сигналами светофоров, влажным после дождя асфальтом и тёмными безликими зданиями. Я заставила себя переключиться, потому что по голосу Марьяны было件нятно, что это далеко не шутка и не розыгрыш.

Чёрт... Кого привлекать? Я же не занимаюсь «уголовкой»! Семейное право – вот, во что я погрузилась в последние годы. Нет, «уголовка» – дико интересно, но опасно и не так доходно, потому что больше двух дел просто никак не вывезти в одиночку, а вливаться в компанию таких же повернутых, как я, больше не хотела. Хватит... Мне моя работа нравится. И если Купатова и правда вляпалась по самые гланды, то придётся искать подходящего специалиста.

Я быстро расцеловала девчонок и влетела в сонный полицейский участок. Тёмные коридоры отражали цокот моих шпилек и дикий храп из окошка дежурного. Я провела мокрыми ладонями по платью, наивно пытаюсь удлинить его, чтобы хоть немного потрудилось скрыть мою задницу. Постучала, вовремя ловя улыбку оттого, как мужчина, распластавшийся на стуле, подскочил.

– Доброй ночи, – я захлопала глазами. Мужчины так слабы перед женской тупостью и очарованием, они переключаются и начинают источать снисхождение. Вот и этот сонный

лейтенантик пусть изопьёт из моего кубка. – Я адвокат Марьяны Купатовой, могу я увидеть своего клиента?

– Вы время-то видели? – крикнул лейтенант и стал истерично надевать ботинки под столом. – Половина четвёртого!

– Работа не знает графика, вы же сами понимаете, – снова заулыбалась я.

– У капитана надо спрашивать. А он злой вернулся, поэтому на вашем месте я бы подождал часов семи утра, – парень включил настольную лампу и погрузился в чтение какой-то книги. Он что, реально считает, что я сейчас сяду и тупо буду ждать какого-то пузатого капитана, чтобы увидеть клиента? Придурок...

– Так спроси, милый мой, спроси.

– Я же сказал, что злой он вернулся, всё равно не пустит. Садитесь и ждите Монины или Генеральчика, они утром будут. А с Чибисовым бы я не стал связываться, – парень будто реально пытался помочь. И взгляд был такой добрый, открытый. – Как бы это сказать, чокнутый он на всю голову. Понимаете?

– А ты не переживай, я девочка взрослая, – протянула своё удостоверение и паспорт ему в окошко. – Давай, выпишывай пропуск и скажи номер кабинета. Остальное я сделаю сама.

– Я предупреждал, – парень дёрнул плечом и записал мои данные в журнал, затем протянул его для автографа и махнул в сторону лестницы. – Шестьдесят девятый, это на втором

этаже.

– Шестьдесят девять, – прыснула я смехом, представляя, как можно будет постебаться над лысым пузанчиком. На цыпочках пролетела лестницу, а у кабинета притормозила, сняла косуху, поправила вырез платья, чтобы, так сказать, блеснуть козырями. Так и представляю его сальный лапающий взгляд. Знаем – плавали. Эти капиташки всегда сначала ерепенятся, а потом податливо тонут в очаровании или в декольте. Сегодня планирую нанести двойной удар. Предумышленное убийство. Хм... Бедняжка.

Я аккуратно стукнула костяшками в дверной косяк и толкнула створку.

– Доброй ночи...

Прошмыгнула в кабинет, но тут же застыла, потому что очутилась в кромешной темноте. А когда глаза чуть привыкли, то на фоне тусклого свечения уличных фонарей из окна я заметила застывшую фигуру. Мужчина прислонился к подоконнику, упершись в него обеими руками. На мгновение показалось, что он голый... Да ну, бред какой-то. Быть не может... Или может?

Во рту пересохло, и я машинально облизнула губы. Сердце вдруг застучало так гулко, очевидно, сопротивляясь остаткам хмеля. Прислонилась к стене, ощущая слабость в ногах. Молчание затянулось, но никого это не смущало. Он быстро постукивал пальцами по деревянному подоконнику, а я обводила взглядом точёную мужскую фигуру. Идеальный

треугольник, нескромный размах плеч, узкие бёдра и такие рельефные руки, что подушечки вспыхнули.

Мысленно лупила себя по щекам. Пыталась привести в чувства, но не помогало. Моё грудное дыхание эхом гуляло по небольшому кабинету. А внутри творилось полнейшее безумие. Шарила рукой по стене, пытаюсь найти выключатель.

«Опасность... Опасность!» – орал мозг, но я продолжала рассматривать таинственную фигуру у окна.

Чёрт... Не пузан. И судя по взъерошенной шевелюре, совсем даже не лысик, а мускулатура развеяла надежду на преклонный возраст.

Ой! Я вздрогнула, когда мужчина оттолкнулся и с грацией хищного кота двинулся в мою сторону, он плавно обошёл рабочие столы, замедлился и остановился всего в шаге от меня. В нос ударил запах мужского геля для душа, зубной пасты и такого знакомого парфюма. Закрыла глаза, перебирая десерты, на которые он был похож. Там и приторность шоколада, и горечь табака, и свежесть мяты... Мятный пряничек. М-м-м... Обожаю.

За своими мыслями не заметила, как мужчина сделал ещё шаг. Я вжалась в стену, пытаюсь забрать её холод, потому что внезапный жар просто сжирал меня. Мужчина вдруг поднял руку и вложил в губы сигарету... Где-то я уже это видела...

Не успела.

Щелчок зажигалки.

Тусклый огонёк вспыхнул где-то в районе живота.

Моя челюсть рухнула на пол. Как замороженная, двигалась за его рукой, шаря глазами по идеально очерченным косым мышцам пресса, феноменально правильным кубикам, красивой мужской груди и мощной шее. Запнулась о дерзко выпирающий кадык и снова непроизвольно облизала губы, представляя, каково это – скользить по нему языком, ощущая колючесть красивой тёмной щетины.

– Доброй ночи, – прохрипел капитан и поднял зажигалку к лицу.

– Чёрт!!!! – взвыла я, утопая в его огромных серых глазах, обрамленных черными густыми ресницами... Но это всё такая ерунда. Потому что в следующее мгновение его горячее влажное тело припёрло меня к стене.

Глава 4

– Какого чёрта? – зашипела я за мгновение до того, как меня сделали немой.

Мужские губы обжигающим оловом обрушились на мои, сильный язык в привычном жесте раздвинул губы, ворвался в рот, начиная свой блядский танец, уничтожающий последние крохи надежды на непопранную честь.

Поздно...

Даже сейчас, когда ещё не поздно выбежать из этого кабинета, всё было понятно. Эта ночь, как началась с полыхающего адского пекла в его взгляде, так и закончится она ожогами от по-мужски грубых, рваных касаний. Или не поздно?

Но ответить я так и не успела, потому как именно в этот момент щёлкнул дверной замок, а я пораженчески застонала...

Крепкие руки уверенно, нагло и безапелляционно опустились мне на задницу, сжали и играючи подняли, прищипывая к шероховатой поверхности стены с такой силой, что воздух из лёгких вылетел.

Безумие! Это мне снится! Точно снится!

Его бёдра разместились между моих ног, и я уже ощущала каменную эрекцию, которую не могла скрыть даже джинсы. Он вырвал из рук куртку и сумку, бросая их на пол, задрал мои руки вверх, растягивая как струну.

Я оказалась пленницей в тёмной комнате, не в силах найти в себе ни одного здравого аргумента, чтобы сказать: «СТОП!». Он играл на мне, как на музыкальном инструменте, спускался поцелуями вниз по шее, чередуя с больными укусами, что микровзрывами оставались на коже.

Я не чувствовала себя, своего тела, превратилась в сжатый комочек нервов, готовый взорваться в любую минуту. Он знал, что делает. Двигался методично, подталкивая меня, безвольную, возбужденную и совсем неадекватную женщину к краю пропасти.

«Люся, очнись! Дура ты тупорылая! Очнись!»

Орала... Вопила... Но ещё громче я стонала, когда его губы опустились в ключичную впадину. Он словно изучил инструкцию к аппарату советского машиностроения «Люсинда», совершенно точно остановившись на одуряюще чувствительной точке. Меня словно молния поразила. Я не могла дышать, думать, сопротивляться. Хрипела, впивалась ногтями в его руку и елозила задницей, требуя большего.

Распутница!

Да... Ещё какая!

Ещё, мальчик мой... Ещё!

Я просто плыла по волнам. Смаковала жгучие эмоции, умирала от его касаний, и хмель возвращался. Забыла и о том, что мы в полицейском участке, и о том, что знаю я этого красавчика не более часа. Ладно-ладно... Не знаю я его! Совершенно не знаю! Чёрт... Что это тогда? Безумие? Похоть?

– Не думай, малыша. Не думай... – прохрипел незнакомец, приподнимая меня выше, оказавшись лицом прямо напротив груди. Его бесстыжий и такой горячий язык стал разводить ткань платья, пробираясь к вершине груди. Дёрнул подбородком, оставляя пекущий след от щетины, и громко застонал, накрывая нежную кожу соска.

Взвыла от пламени, что неистово вспыхнуло между ног. Это было слабо похоже на привычное возбуждение, меня словно засасывало в воронку цунами, где чувства обострялись до максимума. Я будто и не ощущала подобного никогда, а девочка я уже не маленькая... Познала и радость, и горечь симуляции. Но ТАКОЕ... Меня буквально колошматило, зуб на зуб не попадал, ладони взмокли в его руке и стали медленно выskalывать, но незнакомец не обращал на это внимания. Лишь сильнее пригвоздил бёдрами к стене.

Но прошибло меня другое... В руках абсолютного незнакомца мне было спокойно. Я ощущала себя в коконе безопасности, реальность стала плыть, растворяться, размывая все проблемы и мысли. Это похоже на волшебный ларчик иллюзиониста, в котором находится только то, что ему нужно. И сейчас ему нужна Я!

– Это что за подарок? Где я так сегодня нагрешить успел? – он оторвался от груди, чтобы затянуться, и в тусклом свете тлеющей сигареты я увидела его абсолютно одурманенный взгляд. Он чуть шурился, рассматривая меня, скользил по губам, шее и вновь и вновь затягивался... А я

продолжала висеть, как на распяты. Руки ныли, хотелось прикоснуться к его груди... Слабачка? Ещё какая... Мне не нужен был свет, чтобы лапать глазами поджарое тело. Он как элитный жеребчик, на который капают слюной все коллекционеры. И я капала... Висела в плену его рук и капала.

Мужчина сделал последнюю затяжку, всё это время напряженно о чём-то размышляя, а потом щелчком отправил окурок в кадучку с каким-то плешивым фикусом. И теперь ему ничего не могло помешать.

Губы вновь обрушились на меня. Втягивал, играл, покусывал и кружил...

– ОЙ! – взвизгнула я, ощущая его руку на заднице. Сильные пальцы грубо отодвинули нитку белья. Медленно заскользили по коже, а ощутив влажность меж складочек, он вдруг громогласно захрипел. Я, как зверёк загнанный, дышать перестала.

– Мальыша, – прошептал он. – Кто ты?

Говорил, а сам скользил по припухшим складочкам. В темноте видела блеск его глаз, наглую ухмылку, больше похожую на оскал. А когда его пальцы накрыли клитор, я и во все закулила. Чёрт... Курочкина, очнись!

– Товарищ капитан, по делу пришла, – на выдохе выдала я. Это надо прекращать, пока поздно не стало...

– Да ты что? И что за дела у нас с тобой? – хмыкнул он и с грацией и резвостью хищника развернулся, растягивая меня на холодном столе. Наглым образом закинул мои ноги себе

на плечи и навис надо мной. Он щёлкнул чем-то, и кабинет осветила желтая тусклая настольная лампа. Свет... Словно мало ему было ощущать, он ещё и видеть хотел!

– Купа-а-а-атова, – простонала я имя своей клиентки, ощущая, как его ладонь вновь накрывает меня. Пальцы легко заскользили, разнося сок моего возбуждения, а на лице заиграла охренительная улыбка.

– А-а-а-а... Вот оно что? – вроде в глаза смотрел, а всё равно лапал!

Глазами прямо ощупывал, откровенно трахал, никого не боясь. Его пальцы перестали кружить и дразнить, стали двигаться ритмично, быстро, пропуская клитор между. Грубая кожа лишь слегка касалась комочка нервов, а казалось, что он везде! Нависающий мужчина топил меня в океане своей крышесносной энергии. Меня просто крутило, вертело, как на сломанной карусели. Не могла дышать! Не могла!

– И чего же ты хочешь? – он облизал губы и вновь опустился к ключице. Языком закружил вокруг родинки, посмеиваясь над моими стонами. Чуть дёрнулся, подбородком стягивая чересчур податливую ткань так, чтобы она застряла под грудью. И я сразу вспомнила тот ролик про швабру и грудь! Бля, хорошо же быть плоскодонкой! Зато тити в безопасности.

– Хо-о-очу...

– Достаточно, – перебил он меня.

Отпустил мои запястья, освобождая свою правую руку.

Я вздрогнула, когда наши глаза встретились. Его взгляд пугал, в них полыхал пожар, сжигая табличку «ХОЧУ». Он заскользил по телу одной рукой, а мне вновь показалось, что он повсюду... Смотрел открыто, вбирал мои сомнения и сжигал к херам. Рядом с ним я не думала о своём теле, о своём животике и лишних сантиметрах на бёдрах. Он впивался пальцами в кожу, протяжно хрипел, наслаждаясь ощущениями, а потом накрыл горячей ладонью грудь.

– Не помещается, малыша... Не помещается...

Сжал грудь, выпуская бессовестно торчащий сосок наружу, и с силой втянул его, прикусывая зубами твёрдую горошинку. Створка окна громко бухнула, открывая доступ ночному прохладному ветру. Кожа покрылась мурашками, влажный сосок стало покалывать, а он ещё с большей жадностью стал терзать вторую грудь. И я вспыхнула... Полыхала, как салфетка бумажная. Его касания были лаской огненных языков. Выгибалась, открывалась и сама ловила его бесстыжие поцелуи.

Меня просто накрывало вихрем эмоций. Эта его зубодробительная откровенность, элегантная пошлость, пьянящий взгляд и улыбка блядская... А ещё пальцы, что то и дело подталкивают меня к грани, но стоило только подойти к обрыву, он начинал замедляться.

Распущенный мерзавец...

Мы целовались, стуча зубами, не чувствовали боли, просто упивались этим безумием. Опустила руки на его спи-

ну и ногтями пробежалась вдоль позвоночника, наслаждаясь его шумным выдохом. Царапнула пояс джинсов и двинулась вверх. Чувствовала тяжесть внизу живота, тело билось в истерику, ища обещанного удовольствия. И я его получаю...

Незнакомец терзал языком мою грудь, а когда я опустила ладони на его плечи и стала давить, всё усиливая силу... В его взгляде появилось что-то новое. Тёмная мгла накрыла его серые глаза, зрачки пульсировали, а губы изогнулись в кривой коварной ухмылке.

Мне нужно всё! Каждый момент удовольствия заберу с собой! Чёрт... Я даже не знаю, как его зовут... Как и он. Но это не помешало заскользить по животу, сгребая моё платье под грудью. И вот я уже почти полностью открыта для его обжигающего взгляда. Он сел в кресло, подкатываясь ещё ближе, а я перестала дышать. Смотрела на него, чуть приподнявшись на локтях. Мужчина стал рассыпать поцелуи по бёдрам. Сдвинул трусики в сторону, но лишь дразняще проходил языком, словно решил довести меня до инфаркта. А он был близко! Я ногтями царапала столешницу, смотрела ему в глаза, а когда этот гад так порочно прошёлся языком по складкам, вбирая все соки моего возбуждения, по ногам побежали мелкие колики.

– М-м-м-м-м, – зашипел он и втянул клитор губами, скользя языком по самой вершине. Двигался то быстро, то медленно, то прижимался, то слегка проходил по пульсирующему комочку нервов.

– Мне нужно увидеть клиента, – на выдохе сказала я, как только он вновь замедлил свою пытку, и я смогла вдохнуть.

– Ты серьёзно? – он дёрнул бровью. – У меня на тебя другие планы.

– А у меня в планах узнать, на каком основании вы задержали Марианну Дмитриевну, – хныкнула я, вертя бёдрами в поисках разрядки. Вот пусть доведёт меня до финала, а там посмотрим...

– А я не хочу, – он дёрнул плечами и снова щёлкнул по клитору.

Я взвыла, как оперная певица, подсакивая со стола, угождая прямо в плен его губ. И всё началось с самого начала...

– Почему?

– Приходите завтра, товарищ адвокат, в рабочее время.

– Но мне очень надо!

– Тогда на моих условиях, – крикнул он, и по ногам заскользили мои трусики. Он взмахнул рукой, как дирижёр, и потряс красным кружевом. – Примета у меня такая: «Женщина в трусах в стенах моего кабинета – к беде!» И ещё... Ты себя не трогаешь... Согласна?

Глава 5

– Тогда на моих условиях, – крикнул он, и по ногам заскользили мои трусики. Он взмахнул рукой, как дирижёр, и потряс красным кружевом. – Примета у меня такая: «Женщина в трусах в стенах моего кабинета – к беде!» И ещё... Ты себя не трогаешь...

– В смысле?

– А в прямом, гражданочка. Тебя трогаю только я, – капитан выпрямился и опустил на стул, разводя мои ноги в сторону ещё шире. Подхватил за щиколотки, скинул туфли на пол и поставил мои ступни себе на колени. – Давай, товарищ адвокат, вещай...

– Нет, это ты вещай, ка-а-пит-т-тан... – заикаясь, начала я, а когда дёрнула рукой, чтобы вытащить ткань, прижатую грудью, он громко зашипел.

– Я сказал, не трогать!

– А тебя не смущает, что я тут титьками сверкаю?

– А тебя только титьки смущают? – рассмеялся он и откинулся на спинку кресла.

Ах так... Ну ладно... Любитель посмотреть? Смотри, гад такой...

– За что задержана Купатова? – я прикусила нижнюю губу и, сделав вид, что поправляю волосы, коснулась шеи. Пальчики застыли под ушком, а потом двинулись ниже...

Незнакомец присвистнул, растянулся в абсолютно обезоруживающей улыбке и вновь откинулся на спинку кресла.

А я продолжила путешествовать пальцами по собственному телу. Не закончил он... Закончу я!

– Доиграешься, мальыша... – прохрипел и закурил. Взгляд его пристально следил за движением руки. Он то свистел, то шипел, демонстрируя сумасшедшую выдержку. А когда я коснулась груди, и вовсе зарычал. Глаза его вспыхнули каким-то опаснейшим пламенем, а меня вновь подбрасывать начало. Пальцы дрожали, а по шее заскользила капелька пота. Пробежалась по платью, укладывая руку на свои складочки, и тихо засмеялась, потому что моему незнакомцу было не до смеха. Я замерла, выжидая, пока он поднимет взгляд.

– Я жду, товарищ капитан...

– Она сама явилась, – капитан стал медленно разводить свои колени, на которых стояли мои ступни, открывая меня ещё сильнее для себя. Съехал по спинке ниже, очевидно, приготовившись к просмотру увлекательного фильма для взрослых. Вот только... Вот только во взгляде его играло сомнение. Он что, считает, что не смогу?

Ха! Ха! И ещё раз ХА!

– Почему?

– Муж приехал, чтобы договориться об условиях развода, – мужчина взял меня за запястье, словно подталкивая. И я заскользила. Развела набухшие складочки и стала медленно играть с клитором. Он говорил... Говорил... Я стонала...

И останавливалась только когда он замолкал. – Он в травмпункте сказал, что сам упал с лестницы, а эта дура примчалась в участок с чистосердечным.

– Тогда я заберу её? – еле произнесла я, бродя по то-о-оненькой грани бездны. Казалось, ещё шажок, и я улечу. Эмоции накрывали волнами. Но усиливались они, только когда я открывала глаза, наблюдая за ним. Такой большой, красивый и откровенно желающий моего оргазма.

Я готова была взорваться на миллион частичек не от собственной ласки, а от его взгляда. Искала внутри хоть намёк на смущение, сожаление и стыд... Но нет! Мне было мало! Нарочно изводила себя, оттягивала момент, лишь бы не останавливать это безумие, что творилось между нами. Казалось, ещё чуть-чуть, и воздух заискрится от напряжения.

И в момент, когда я всего на секунду прикрыла глаза, всего на одну грёбаную секунду, мою ладонь скинули, а в меня резким толчком вошли пальцы.

И в этот момент я полетела... Белый потолок стал кружиться, силы покинули меня, а дыхание превратилось в крик раненой птицы. Он не затыкал, а я, даже если бы очень хотела, не смогла контролировать себя. Извивалась на его пальцах, ловя последние отклики оргазма, кусала губы, хрипела, а из глаз неконтролируемым потоком стекали слёзы...

– Сука, ты кто такой? – захрипела я, не в силах даже подняться.

– Секс – не повод для знакомства, – его голос раскатом

грома прозвучал в тишине кабинета. – Но для тебя, малыша, так и быть...

Я даже отдышаться не успела, как взметнулась в воздух и опустилась на его колени. Руки слабыми ленточками легли на красивые мужские плечи, ощущая жар кожи. Вдыхала одуряющий аромат и чувствовала, как внутри всё снова сжимается и закручивается в тугий канат.

– Кирилл, – прошептал он, прежде чем впиться своими губами, забирая остатки воздуха. – Давай быстрее говори своё имя, а то я не сплю с кем попало.

– Лю-ю-ю-ю-ю-ся, – завывала я, слушая, как скрипит молния на ширинке его джинсов. Он губами вложил мне в рот золотистый квадратик презерватива, пока, приподняв меня одной рукой, стягивал джинсы. У меня было несколько секунд, чтобы одуматься... Могла! Могла развернуться и броситься вон из кабинета, но кого я обманываю? Никуда я уже не уйду... Никуда.

Дёрнула край фольги, достала резинку и смело опустила голову.

– О-о-о-ох... – пришло моё время присвистывать. Блядь... Что я там просила? Прямой красивый член? Люся, лучше бы ты пару лямов попросила, потому что Боженька в этот вечер явно тебе благоволит. Опустила презерватив на гладкую розовую головку и стала медленно растягивать, ощущая, как его ствол подёргивается, как каменеет в моих руках, и стонала, слыша его хриплый протяжный стон. Мой,

мальчонка... Сегодня ты мой!

– Малыша, – Кирилл с жадностью схватил меня за бёдра, впиваясь пальцами до боли, и резко опустил на себя... Чёрт!

Сильные руки подбрасывали меня, а потом резко опускали... Он губами забирал мои стоны, хрипел и повторял их, а я вновь отправлялась летать. Кирилл всё делал сам, управлял моим телом, как опытный кукловод, то откидывал назад, чуть меняя угол вхождения, то укладывал руку на лобок, с силой впиваясь в кожу, то ускорялся, вколачиваясь, как отлично смазанный поршень. А я подыхала... Стонала, глотала раскалённый воздух и завывала диким волчонком, умирающим от жажды. И он вновь и вновь утолял её качественным и мощным сексом.

Сука... Как там его? Чибисов?

– Ах... – вновь и вновь голосила я, ощущая его внутри себя. Он растягивал меня изнутри, давая насытиться охренительным чувством наполненности. Я извивалась, задавала темп, смотря этому распущенному мерзавцу прямо в глаза, а он с удовольствием подстраивался. Зарекалась, Люсенька... зарекалась? Убежала, а потом сама в капкан угодила! Сама! Так стони теперь. Извивайся и наслаждайся тем, что иногда приходится проигрывать.

– Я сказал не думать! – рывкнул Кирилл и закинул меня на стол. Развёл ноги, практически в шпагат, сдвинул на себя и стал медленно входить, давая насладиться волшебным моментом слияния. Смотрела, наслаждалась и благодарила

Всевышнего за этот подарок... Боже! Это безумие!

— Вот так... Вот так... — повторял он, вновь и вновь вдалбливаясь в меня. Наклонялся, чтобы быстро поцеловать, и вновь начинал свою пытку!

Толчки его становились всё грубее... Шлепки — резкими, хлёсткими, хват рук — болезненным. Дыхание — хриплым, грудным. Кирилл, почуяв, что я балансирую на краю, подхватил за задницу и чуть приподнял, прежде чем вонзиться с такой силой, что я звонко заскулила...

Я срывалась с обрыва, ощущая свободное падение, кусала губы в кровь, чувствуя знакомый металлический вкус во рту, и стонала. Кирилл сжал мою грудь и с силой надавил, укладывая на столешнице прямо под свет лампы.

Во взгляде его вновь заиграла дикая, сжигающая дотла опасность. Пальцы впивались в кожу, ласкали грудь и остановились лишь на животе. С силой пригвоздил меня к поверхности и опустил большой палец на до сих пор слишком чувствительный комочек. Он будто чувствовал меня, поэтому касания были лёгкими, дразнящими, и вот тогда начался ад... Он стал с дикой скоростью вколачиваться, позволяя мне летать снова и снова.

Меня вдруг выключило. Звуки, шорохи, обстановка растворились, погружая меня в полнейший вакуум, чувствовала лишь его точные толчки, заставляющие терять ощущение реальности. И я потеряла.

Меня просто вывернуло наизнанку. Я взвыла, крича во

всё горло, когда на меня обрушилось то, что, наверное, называется оргазмом... Перед глазами расплывались круги, в ушах стучало, а он всё продолжал и продолжал. Терзал меня, заставляя извиваться, дразнил чувствительную плоть и шипел. Я распахнула глаза, когда смогла дышать, и в момент столкновения наших взглядов Кирилл толкнулся в последний раз и зарычал... Так грозно, протяжно... с надрывом.

– Бляядь... – шипел он, вновь стягивая меня на стул. Я как кукла безвольная обмякла на нем, губами накрыв пульсирующую венку на шее. Языком проскользила по резкой линии челюсти, закружила по кадыку и прижалась к его груди. Сердце громко ухало, тело было ватным, чужим, но лёгким, как пёрышко. Меня словно опустошили, вытряхнули все заботы, мысли и страхи. Бля... Это и есть «вытрахать весь мусор»? А то каждый мужик всё обещал-обещал, а этот сумел.

– Так и сдохнуть можно, Чибисов, – хрипло засмеялась я, осматриваясь вокруг.

– А я и сдох, – Кирилл махнул рукой и вытащил бутылку воды из ящика. – Ну, Люся, нагадала, получается сносного мужичка?

– Ой ли, – рассмеялась я и откинулась на стол, упершись в поверхность локтями. Я осмотрела себя, ловя на мысли, что совершенно не стыдно сидеть перед ним затраханной, с голыми титьками и блядским пламенем во взгляде. – У тебя масса недостатков, о которых ты даже не догадываешься,

поэтому расслабься. Это одноразовая акция. Так что с Купатовой? Отдашь?

– Одноразовая? – он дёрнул бровью и забрал бутылку воды, жадно припав к горлышку. Сверкающие капли скользили по его шее, груди и скатывались к моим ногам. Я до сих пор ощущала его внутри, слегка вильнула бёдрами, чтобы усилить это ощущение, за что получила вопросительный взгляд.

– Ага. У меня аскеза на правоохранительные органы. Хотя, признаться, орган у тебя что надо, – я снова сжала бёдра, с удивлением ощущая, как его член снова напрягается внутри. Очевидно, мой шок был написан у меня на лице, отчего Чибисов рассмеялся во всё горло.

– Я отпущу Купатову, если завтра увидимся.

– Это приглашение на свидание?

– Это приглашение на секс, – он вновь наклонился так, что его губы дразняще заскользили по моим.

– Тогда я вынуждена тебе отказать. Я не такая, потом там что-то про трамвай... – подхватила его нижнюю губу, втянула и стала играть, впитывая его разливающееся во взгляде пламя. Хорош... Пиздец, как хорош.... Но хорошего понемногу.

И неясно, чем бы закончилась наша игра, если бы в дверь не стали ломиться.

– Кто?

– Чибис, открывай! Генерал пришёл! – рявкнул мужской голос, и ручка завибрировала от чужого нетерпения.

– На хуй генерал пусть идёт, у меня допрос, – зарычал Кирилл, прижимая меня к себе ещё крепче.

– Чибис, мне корочки забрать надо.

– Сука! – выдохнул Чибисов и в последний раз накрыл мой рот в своём фирменно трахающем поцелуе. – Не отвертись, малыша... Всё равно найду и возьму то, что полагается. Хочу попробовать, какая ты на вкус...

Вот говорил он, а краской заливалась я. А когда Кирилл подхватил со стола мои трусы и убрал в ящик тумбы с надписью «улики», я словно и дар речи потеряла. Он встал, пересадил меня на стол, сдёрнул презерватив, бросил его в урну и быстро натянул джинсы, а когда нагибался, вскользь поцеловал в лобок.

– Ты слишком самоуверен, – прошептала, заставляя себя вновь не броситься ему на шею. Гад такой!

– Это мы ещё посмотрим...

Я спрыгнула, надела туфли и пошла к двери.

– Ты так и пойдёшь? – вскинул он бровь, смотря на мою налившуюся грудь, так и лежащую поверх платья.

– Ты ж сказал не трогать себя, – пожала плечами. Нарочно медленно и глубоко прогибаясь, опустилась, чтобы поднять сумку и куртку с пола.

– Как знаешь, – он усмехнулся и стал поворачивать ключ в замочной скважине, обжигая взглядом покачивающуюся грудь. И я дышать перестала от страха, что проиграю самой себе в этой игре. Но как только дверь дёрнулась, Кирилл

быстро поддел ткань и прикрыл меня, сжав сосок напоследок.

– Чибис, сука! Разве можно быть таким медлительным? – захрипел бородатый здоровяк, влетая в кабинет. Он будто и не заметил меня, бросаясь к своему столу, а я этим и воспользовалась, выскочив из кабинета.

– А олухом не надо быть, Лёха, – разочарованно протянул Кирилл и вышел следом, натягивая футболку на ходу.

В коридоре уже не было так безлюдно. Нет-нет да попадались сонные полицейские, и внезапное чувство стыда утопило меня с головой. Как представила, что они всё слышали, ноги стали подгибаться. Еле ковыляла, спотыкаясь через шаг, пока он не взял меня за руку. Сжал пальцы и подтолкнул в тёмный коридор с несколькими металлическими дверями.

– Забирай, – Кирилл открыл дверь в кабинет, где на стуле сидела Марианна Дмитриевна. Сделала всего шаг и ойкнула, ощутив его руку на своей заднице. Пальцы вновь стали собирать ткань платья, пробираясь к пылающей плоти, а я пропустила стон... И если бы не удивлённый взгляд Марьяны, то я вновь бы распласталась по стене камеры, позволяя провести второй раунд.

– Уходим! – я схватила Купатову и побежала по длинному коридору, вырываясь из дурманящего аромата его тела...

Дурман... Сильный, хмельной и фантастически горячий, хоть прикуривай... Чёрт!!! Чёрт!! Чёрт!!!

Глава 6

Кирилл

– Да ладно! – Мой друг и сослуживец Ярослав Монин даже с кресла вскочил, будто эмоции ему не давали спокойно сидеть на месте. – Ты серьезно, Лёха?

– А мне какой резон врать, Моня? – Лёха Генеральчик растёкся по своему стулу, вальяжно покачиваясь. Смотрел ещё, гад, на меня в упор глазами своими зелёными. Допрос они, видите ли, затеяли, распиздяи местного разлива. – Это ты у Чибисова спроси!

– Чибик, че, правда, саму Курочкину подцепил в баре? – Моня в два шага пересек кабинет и сел рядом на подоконник, где я встречал очередное утро, смакуя утренний кофе и сигаретку. – Она в прошлом месяце на меня рапорт накатала! Процессуальные нарушения и бла-бла-бла... Я задержал подонка одного, а он детдомовский оказался, так она за него мне чуть глотку не перегрызла!

– Ну, кто-то же за них должен грызть глотки сытым и счастливым? – смотрел в голубое небо, лишь бы не выдать заинтересованности. Вот так, да... Кура в мою сеть угодила... Сама Кура...

– Тебе, Кирилл, надо было побои снять, вот это она у нас поплясала бы! – не унимался Монин, смакуя упущенную возможность на месть. Он шарил рукой по моей голове, то

ли шишку искал, то ли зияющую рану. Придурок... Не там ищет. Не там...

– Это что... – Генеральчик, видимо, сильно разозлился, что я ему не рассказал, как Людмила Аркадьевна Курочкина, она же заноза в заднице, очутилась в моем кабинете ночью. Поэтому и полощет меня сейчас с откровенным упоением обиженного мальчика. Ну, пусть поиграет... – А ровно за две секунды до столкновения с хорошо опознанным летающим объектом в виде пустой бутылки наш бывший майор Чибисов говорил абсолютно крамольные вещи!

– Какие? – вспыхнул Моня и стал потирать ладони.

– Жаловался на депрессию!

– Да ну нах...

– Да-да... Говорит, опостытели ему однотипные девы, заморское чудо ему подавай, да такое, чтоб не скучно было, – Лёха откровенно зубоскалил. Рисковый... Видимо, таблетку какую-нибудь волшебную проглотил, оберегающую от переломов. – Ему, оказывается, хочется ТАКОГО... Чтобы кровь кипела, мозг на атомы расщеплялся и член дыбился, как после виагры.

– Так у меня есть, если что, – ржал Монин. – Я вчера в баре барыг скрутил, а они ради фана вместо экстази толкали виагру!

– А кровь закипает? – я допил кофе, затушил сигарету и прыгнул с подоконника.

– Не знаю... – Моня растерянно дёрнул плечами.

– Узнаешь, тогда и приходи.

– А на тебе и проверим, друг, – Моня хлопнул мне по плечу, заискивающе заглядывая в глаза.

– На себе пробуй, придурок. Только потом не плачь, что стручок твой ссохся.

– Кирилл, ты че злой-то? – Ярик скинул свою противную улыбку и отошел от меня, очевидно, вспомнив о самосохранении. – Гвоздь к себе вызвал?

– Кто есть Гвоздь, Монин? – голос любимого начальника заставил парней подскочить со своих мест и выправиться, как алые паруса.

– Колесо проколол я, – сдернул с вешалки куртку и развернулся к Николаю Ивановичу Гвоздеву, так сказать, фасадом. – Здравия желаю.

– Чибисов, вот что ты за жук навозный? – с ходу начал босс. Он словно готовился к этому разговору и был уже наряжен задолго до него, поэтому и пятнами красными пошёл ещё с порога. – Тебя б отстранить за несоответствие!

– Отстраняйте, – я сгреб со стола лопатник, корочки, ключи и сигареты. – Что ж вы меня постоянно пугаете-то?

– А тебя если не пугать, Чибисов, ты ж город беспределом накроешь!

– Кому-то беспредел, а по мне, товарищ полковник, реальные действия, – стиснул челюсть и сделал шаг, чтобы обойти «полкана» справа, но тот быстро среагировал и выставил руку.

– Майор... Кх-кх... Капитан Чибисов, это что за неуважение к старшим по званию? – старик сверкал не только звездами на погонах, но и злобой в поблекших глазах. Морщинистая рука, лежавшая на моем столе, заметно подрагивала, бряцая золотым браслетом часов по облупленной столешнице. Сука...

– Никак нет...

– Что – нет?

– Все нет, товарищ полковник. Взятки не беру, по заказу папенькиных сынков не сажаю в педагогических целях и за зелененькие потом не отпускаю. Поэтому никак нет...

– Разрешите уйти? – Проблеял Монин и, схватив Генеральчика, стал позорно покидать поле боя вдоль стеночки.

С Гвоздем ссориться никто не хотел, помня, что скоро сезон отпусков, а этот педрила чуть что, сразу лишал не только премии, но и морского воздуха и горячих телочек на дискотеке. Когда дверь хлопнула, Гвоздь расслабился и отошел на безопасное расстояние.

– Кирилл, – старик вздохнул и опустился в кресло Генеральчика, выкатившись так, чтобы перекрыть мне все пути отхода. – Ну, походишь в капитанах, шум стихнет, и вернем мы тебе звание. Забей... Не первый же раз!

– А кто мне девственность вернет? – сквозь зубы процедил я, не прекращая зрительную дуэль с некстати раскаявшимся начальником. Сука гибкая! Да у него же вместо позвоночника пластилин, потому что других объяснений его

врожденной способности так ловко прогибаться перед «денежными мешками» у меня нет. Интересно, а кокушки он себе обсосать сам уже может? А что... Годы тренировок.

— Чибисов, мать твою! — завопил Николай Иванович и снова вскочил со стула. — Ты мне кровь сколько будешь сворачивать? Почему дело Карытина до сих пор не закрыто? Почему за две недели я только и слышу от тебя «разбираемся», «ведутся следствия», «оперативная разработка», «недостаточность доказательной базы»? Где результат? Где? Ты ж бульдог, так куда делась твоя хватка?

— Мою хватку вместе с просветами на погонах сдуло, — гукнул я и обошел старика. — Так что вы за своими тоже смотрите, товарищ полковник. Зверьё лютует нынче.

— Кирилл, ну не мог я послать Орлова. Ты знаешь, кто он? Знаешь, в чьи кабинеты ногой дверь открывает? Я ж блоха для него!

— Вот и живите с этим. Вы — блоха. А я болт клал на его счета и волшебную ногу, что дверь открывает, ясно? Его сына я все равно посажу, так и знайте, а мешать будете, увольюсь. А потом все равно посажу! Ферштэйн? — знал, что перегнул палку. Но ничего не мог поделать. Я звонко цыкнул, отчего полковник аж вздрогнул, а после вышел из кабинета, махнув дежурному на прощание.

Да в гробу я видел это звание. Майор, капитан... Да хоть прапором пусть сделает! Все оранжево. Но вот позорище, которое с молчаливого согласия устроил местный олигаршо-

нок, выручая своего сына, знатного нарика и насильника, я прощать не намерен.

– Сука!!! – заорал я, как только сел в салон своей машины. – Угандошу...

– Кир, – Генеральчик стукнул костяшками в стекло. – Забей. Не в первый же раз.

– Нас с тобой, как котят, в дерьмо окунули, а теперь смотрят, как вылизываться будем. Раскрытие ему подавай! Хуй! Я ему теперь такую делюгу устрою, к четьям план сорву, лишь бы ему черенок поглубже засунули, а то расслабил свой анус старик, – я закурил и поднял взгляд в окно на третьем этаже, в котором маячил красный как рак Гвоздев.

– Он тебя опасается, – Лёха прыгнул на заднее сиденье, чтобы скрыться от пристального взгляда полковника. – Ему ещё поработать охота, а тут ты... Бойтся, что отправишь ты его, Чибисов, жене парники строить на шести сотках. А не хоча...

– Нормальный же мужик был!

– А он и шас нормальный. Орлов хотел, чтобы тебя уволили.

– Лучше бы уволили, Лёх.

– Это Орлову лучше, – Генеральчик рассмеялся и ободряюще похлопал меня по плечу. – А Гвоздь не дал. И вообще, талант у него, как у Волочковой, на двух стульях в шпагате висеть. Выдыхай, бобёр. Обидно, досадно, да ладно. В деньгах ты не нуждаешься, не прибедряйся, тебя Керезь кормит

– будь здоров. Ты ж на работу ходишь как на занятие по йоге, для души и общего развития. А моральную компенсацию ты и сам стреляешь с кого надо.

– Но я любил свою звезду. Она была моя! – рыкнул я, когда Гвоздь сдулся первым, дернув шнур жалюзи. – Большая.

– Новую получишь. Сейчас вот повыёбываешься всласть, а потом снова начнёшь показатели всего отдела улучшать, – Лёха наклонился и уложил свой квадратный подбородок на спинку пассажирского сиденья. – Ты мне про Куру расскажи лучше. Как ты её заманил?

Меня вдруг потрянуло как-то не по-детски от одного упоминания о той знойной красотке с четырехлитровыми бедончиками. Ммммм... Конфета. Сладкая, сочная, а внутри начинка пьяная, пуще ликёра. А глазищи... Огромные, дурманящие, темные, будто в них покоятся похабные тайны вселенной.

– Чибис... Мать твою, – заржал друг. – Ты че, наживку заглотил? Да она ж тебя переварит, как отруби на завтрак, а яйцами твоими закусит. Ой, не лезь под этот каток!

– Бля, я спал, что ли, все это время? – обернулся к откровенно ухахатывающемуся Лёхе. – Откуда ты-то её знаешь?

– Не спал, Кир, не спал, успокойся. Просто ты у нас птица высокого полёта, до беспризорников, бытовых драк и прочего не опускаешься, а мы с пацанами её прекрасно знаем. Женщина-ягодка, конечно, – мне почему-то стало нечем дышать, когда друг мечтательно закатил глаза. Казалось, он го-

тов в любой момент эякулировать от удовольствия. Я поморщился от собственных мыслей и не удержался, шибанув Лёху по ноге.

– Ягодка, но не ваша!

– Друзе, что я слышу? – зашептал Генеральчик. – Ой-ой! Товарищ генерал полиции Российской Федерации, у нас тут ЧП! Алло-э... Как слышно? Приём! У Чибисова хер задымился на ягодку!

– Генеральчик, а у тебя запасной комплект ног есть?

– Никак нет, товарищ капитан.

– Тогда шуруй на службу, пока не вырвал с корнем!

– Есть шуровать!

Лёха с диким гоготом вывалился из машины, привлекая к нам внимание отдыхающих за сигареткой сослуживцев.

– Клоун, мля...

Я выехал с парковки и рванул прочь, наивно полагая, что хоть так смогу выдохнуть. Но нет... Купаж дикого возбуждения и гнева душил меня! Эх... Надо было узнать номер Людмилы Аркадьевны, глядишь, от одной проблемы бы избавился. Интересно... Пробить адресок, что ли? В гости сходить...

Музыку и поток моих не совсем приличных мыслей прервал входящий звонок.

– Да, Гера.

– Кирилл, мне помощь твоя нужна, – голос друга был странным. Не было в нём привычного смеха вперемишку со

звериным рычанием, он словно шипел, как потухшая спичка.

– Ну? Говори, Керезь, что случилось?

– Найти мне одного персонажа надо...

– Гер, давай без тайн? А то у меня черепок треснет. Ты ж сам можешь кого угодно найти, так в чем проблема?

– Официально он признан пропавшим, а потом и погибшим. Но я прям чую, что хрень это все полная, – Керезь даже не говорил, а шептал, будто боялся, что слова его правдой окажутся. – Не бьётся у меня картинка в пазле.

– Подробности?

– Подробности вечером. Приезжай в бар «Джулио», мы там с Лёвкой кое с кем встречаемся, а потом поговорим.

– Уговор...

Лишь бы опять бутылкой не прилетело...

Глава 7

Люсинда

Тук-тук-тук-тук...

Я всячески игнорировала этот противный изводящий душу стук, даже голову накрыла подушкой, а сверху ещё и одеяло уложила для полной тишины. Но без толку... Казалось, что стоят прямо надо мной и капают на металлический поднос: кап-кап-кап... А мне всего лишь нужно было выспаться. Хотелось провести один, всего один гребанный день в своей квартире так, как хочется, чтобы без любопытных взглядов и посторонних. Но нет... Судя по шуму из кухни, там была развёрнута бурная деятельность, а ведь сегодня только пятница.

И добила моё несостоявшееся уединение мелодия входящего сообщения. Я лениво стянула с тумбы смартфон и тихо застонала, уткнувшись носом в экран:

«Людмила Аркадьевна, вечернее совещание отменяется. ЧП».

Зорин, мой бывший однокурсник и по совместительству «физиотерапевт», а также таблетка от стресса, возбудитель, оргазмитель – всё в одном лице, решил слить наш регулярный секс по пятницам. Но это даже к лучшему, потому что я ещё не придумала, как теперь смотреть и ему в глаза.

Бля... Люсинда, завести любовника от любовника – это,

конечно, мощно, но пахнет расстройством личности.

Я усмехнулась и стала воображать своих мужиков в виде одной гигантской матрёшки. Один за другим деревянные чеплашки раскрывались, являя новые, вернее – уже давно забытые лица, в ком я когда-либо надеялась увидеть ту самую опору из женских сказок. Её, конечно, найти за три официальных брака и несколько недолгих связей так и не удалось, сведя вереницу прожитых вместе дней в унылое действо заезжего театра. Нет, не театра. А контактного зоопарка, потому как карма у меня, очевидно, быть второй половинкой зверинца. Я успела побывать и Барановой, и Козловой, а теперь вот Курочкина. Весь паспорт измарала, а успокоения так и не нашла, хотя выходила за каждого по любви.

Ах! Если бы они хоть трахались, как горячий капитан Чибисов...

Я сама не поняла, как мои мысли уплыли не в том направлении. И вот я уже дышу, как загнанный тореадором бычок, а низ живота наливается тяжестью свинца. Сука... Да кто ты, мать твою, такой? Исчезни из моей головы! Прочь!

Секс – он и в Африке секс, думала я ещё до недавнего времени. Но неет... То, что произошло со мной вчера, было за гранью нормальности. Собственное тело предало и само бросилось в руки этого наглого красавчика. Он будто мысли мои читал, причем те, которые я самой себе стыдилась озвучить!

Этот мужчина был одним жирным кэшбеком, собранным

со всех, кого мне приходилось встречать. Он как образцовый отличник с доски почёта! Даже трахается, как именитый порноактёр: в глаза смотрит, а взгляд его живой, беснующийся, и если он и прерывал зрительный контакт, то чтобы видеть, как наши тела сливаются воедино. И от этого мою башенку сносило ещё сильнее...

Это какой-то новый уровень, где на тебя не наваливается стокилограммовая туша, чтобы побыстрее сделать положенную тысячу фрикций и излиться спермой, тут другое. Он как гурман... Впитывал каждое мгновение, каждый мой стон и жадно ловил смущенный взгляд.

Вот это был настоящий секс, в котором, чтобы возбудиться, тебе не нужно тайком стимулировать себя. Здесь просто достаточно его пылающего взгляда и кривой ухмылки, за которыми скрыто не пренебрежение, а похоть. В носу все еще стоял яркий аромат его парфюма, свежесть геля для душа и дурман его сигарет. Я будто до сих пор пьяная, до сих пор крайне возбуждена и способна лишь вновь и вновь прогонять события прошлой ночи.

Прислушивалась к себе, пытаюсь найти стыд и сожаление. Но глухо. Мне определенно понравилось, и это именно то, что было необходимо в тот момент. Не стыдно перед собой, а вот ещё раз утонуть в его блядских глазах цвета мокрого асфальта я бы не хотела. Там же Марианская впадина, без шанса на выживание. Знаем мы таких вот борзых, молодых и до эмоций ненасытных, от них остаются шрамы, ожоги и

разодранное в клочья сердце.

Нет, никаких Чибисовых. Лесом... Все лесом.

Тук-тук-тук...

Сука! Да что за утро!

«Дело закрыто, обсуждений по данному делу больше не будет».

Я быстро напечатала ответную эсэмэску, отправила Зорину и вырубил звук. Уж слишком стремительно увеличивается количество мужчин, которым мне становится стыдно смотреть в глаза: муж, любовник, а теперь ещё и мент этот...

Чёрт... Муж...

Встречи с Курочкиным становились всё невыносимее, но меня выручала работа. В силу адовой загрузки, всё чаще приходилось задерживаться допоздна, а про выходные я вообще молчу. Если муж не уезжал на дачу к матушке, то мы могли и вовсе не пересечься. Я электровеником оббегала маникюр, косметолога, эпиляцию, встречалась с подругами и, если оставалось время, заезжала к родителям.

Так и жили.

Я старалась не смотреть на него взглядом, полным разочарования, а он создавал видимость бурной деятельности, чтобы сильно не бесить перманентной безработицей. А ведь ещё каких-то четыре года назад всё было иначе.

Всё, Людмила Аркадьевна, поиграли в счастливую семейную жизнь, и хватит.

Тук-тук-тук...

– Сука! – сбросила самодельную звукоизоляцию и вскочила с кровати. – Девять утра! Всего девять утра, а собственная квартира уже пытается убить меня звуками. Это же пытки, которые, между прочим, запрещены международным правом!

Накинула халат на плечи и, бурча себе под нос проклятья, выбежала в коридор.

– О! Родственница! Ты болееешь, что ли? Чего отощала-то, как вобла сушеная, – кого-кого, а Зиновия, старшего брата моего мужа, я совершенно не ожидала здесь увидеть. Он абсолютно пошло хлестнул резинкой своих трусов по мохнатому пузу, мазнул по мне взглядом, полным отвращения, и скрылся в ванной, хлопнув дверью у меня перед носом. – Я быстро, не гунди только, а то сейчас опять затянешь песню про личное пространство и прочую хрень. А я, между прочим, родственница, у брата в гостях нахожусь. И в нужник могу ходить, когда приспичит, а не когда ваше юридическое величество позволит...

Я не знаю, почему стояла и слушала этот бесполезный, по сути, монолог под дверью ванной. От стыда перед собственным мужем не осталось и следа... Весь этот цирк, что в режиме нон-стоп давал представления в моей квартире уже несколько лет, перестал быть занятным. Он стал бесить, раздражать и медленно убивать всё самое хорошее, что происходило в этих стенах. Я уже и забыла, когда на своих пятидесяти квадратах не наблюдала кого-нибудь из их многочис-

ленного семейства. Приходя с работы, я на общих основаниях занимала очередь в ванную, потом ещё полчаса с хлоркой её драила, боясь представить, что могло здесь происходить в моё отсутствие, потом отвоёвывала кусок хлеба и чашку горячего чая и только потом падала спать.

– Курочкин!!! – взвыла я и стала распахивать немногочисленные двери моей двушки, но мужа я нашла, естественно, на кухне.

Картина маслом...

Миша, облаченный в фартук, с детским воодушевлением месил тесто, а его матушка со скоростью света лепила вареники. Фуууу... С капустой? Они специально, да?

– Доброе утро, милая, – Кур быстро отряхнул руки и стыдливо клонул меня, изобразив поцелуй. – Ты вчера поздно пришла.

– Вернее, рано, Людмила, – проскрипела Зинаида Борисовна, сверкнув недобрым осуждающим взглядом. – Я вчера приехала к вам в гости, а в холодильнике шаром покати... Вот! Пришлось мчаться в магазин. Мы с Мишенькой с утра уже накрутили котлет, а сейчас пару противней вареников сделаем, чтобы вы тут с голода не опухли.

– Какая прелесть, – я отвернулась и ребром ладони вытерла слюни мужа с верхней губы.

Подошла к кофемашине, поставила чашку и стала отсчитывать спасительные секунды, чтобы смыться из кухни. Но у свекрови, очевидно, на меня были совсем иные планы.

– И что же это у тебя за работа такая, Людочка, что ты, замужняя женщина, приходишь домой почти в шесть утра? – её писклявый голос вибрировал в ушах, сотрясая всю мою выдержку, что и так держалась на тоооооненькой ниточке из привитого с детства уважения к старшим. Я косила глазами в сторону Миши, но тот с высунутым языком дубасил комок теста и делал вид, что ничего особенного не происходит. Как удобненько.

– Работа, которая позволяет закупаться не в магазине у дома, а в супермаркете с фермерскими продуктами, чтобы Мишенькин гастрит вдруг не обострился, – стиснув зубы, пробурчала я, вспомнив вчерашнюю эсэмэску из банка на двенадцать тысяч рублей. Кстати, это и было последней каплей. Я даже не планировала идти с девками в бар, хотела просто уехать домой и полежать в горячей ванне, сбросив напряжение после адового судебного заседания, которое, к слову, я выиграла! И в очередной раз утёрла нос этому гадкому старикашке Печёнкину! Ему уже на печь пора, а он всё пытается бодаться со мной.

– Это мелко, низко и недостойно – попрекать мужа копейкой! – Зина было вскочила, но Миша дернул головой, жестом осаживая мать. Ага... Значит, не так уж он и увлечен избиением теста.

– Согласна, – я сделала спасительный глоток и взобралась на подоконник. Достала из ящика сигареты и закурила, игнорируя немое возмущение свекрови. Вообще я не страдала

вредными привычками, вернее, они попросту не прилипали ко мне из-за собственной забывчивости. Я смаковала горечь дыма только за утренней чашкой кофе, ну и после секса. После хорошего секса.

– Так, где ты была? – не унималась Зина. Движения её становились резкими, рваными, а вареники – уродливыми и похожими на пожеванную верблюдом жвачку.

– Работала, – я пожала плечами, прожигая в затылке мужа дыру. Он знал, что я терпеть не могу оккупацию своей квартиры, но ещё больше я не люблю допросы, а также когда меня заставляют отчитываться. Миша чувствовал мой взгляд... Оттого и ёжился, все чаще подёргивая плечами.

Я смотрела на его фигуру и диву давалась... От крепенького мужика не осталось ведь и следа. Мы познакомились в суде, когда Михаил Андреевич Курочкин ещё был бодр, настойчив и щедр на слова и комплименты.

А теперь...

Теперь, кроме эфемерной надежды на неминуемый залп удачи над его светлой и предприимчивой головушкой, ничего не осталось. Мамочка говорит, что Миша – приспособленец и слабак, а мой старший брат – что таким его сделала я и мои совсем не женские яичники. Петька в принципе не умеет врать, рубит правду-матку, и самое занятное, что от мужа к мужу его слова не меняются. Да уж лучше слушать Петьку, чем невнятное бление Курочкиных.

– Мама хочет сказать, что ты очень много работаешь. И

нам было бы полезно проводить больше времени вместе, – вдруг подал голос Миша. Его слова хлёсткой пощёчиной прошлись по мне... А ведь он прав.

В руке звякнул телефон, отвлекая меня от самобичевания, я махнула пальцем по экрану:

«Я настаиваю на совещании, ЧП подождёт».

Ох, Зорин...

Если ЧП может подождать, то его попросту не было. И совещаний больше не будет, уж теперь-то точно.

Я зажмурилась, делая вид, что наслаждаюсь утренним ритуалом, а сама внутри во всю глотку рыдала от того, что попала в ловушку. Сама себя загнала. Закрывала глаза на всё, пыжилась, пёрла, позволила своему мужу превратиться в домохозяйку, а потом сама же этим и козыряла, тайно встречаясь с Зориным. В рухнувшем здании не может быть виноват один человек, а вот в сносе крепкого строения всегда есть главный зачинщик. А я снесла нашу семью бульдозером. Поэтому и виновата здесь только я.

– Вам нужен ребёнок! – возликовала Зина и стала быстро отряхивать руки, распыляя муку по всей кухне.

Кофе колом застрял в горле, я распахнула глазки, уставившись на свекровь, и прикусила язык, чтобы не рассмеяться.

Ну точно! Как всё легко и просто решается! Ребёнок... А что? Года полтора нас покормят государство и мои сбережения, а дальше Мишаня получит полный карт-бланш, потому как останется сидеть дома с чадом, истеря в трубку о сво-

ей усталости. Плавали-знаем...

– Люда, – Миша отбросил тесто в сторону и развернулся, вот только смотрел не в глаза, а на вовремя потухший экран моего телефона. – Понимаю, ты устаёшь...

– А тебе не кажется, что секундант в этих вопросах просто лишний? – я встала, расправила шелковый халат-кимоно и села за стол. Пальцами крутила телефон, пока тот с отрезвляющим грохотом не сбавал на столешницу.

– Это намёк, Людмила? Я здесь лишняя, по-твоему? Мама вам мешает, да? – свекровь стала стремительно краснеть и бросаться гневными взглядами в сына, ища поддержки. Её ржаво-красные локоны, закрученные на советские металлические бигуди, стали стучаться друг о друга, а тонкие удивленные брови и вовсе чуть не коснулись краевой линии роста волос.

– Да... – от него ответа ждать было глупо и бессмысленно, поэтому взяла огонь на себя.

Внезапное осознание, что жить так больше невозможно, захлестнуло меня с головой. Ведь я не из тех женщин, что готовы держаться за последнего придурка, лишь бы не быть одной. Лишь бы не отвечать на вопросы подруг и не произносить, по их мнению, позорное «одинокая».

А с хера ли я одинокая?

У меня вся жизнь впереди, так для чего мне растрачиваться на балласт? Зачем мне тащить и физически, и эмоционально того, кто не готов идти нога в ногу со мной? Для чего

мириться с его прибабахами, оправдывать тупые поступки и неосторожные фразы? Почему я должна искать ёбаря на стороне, для здоровья, так сказать? Чтобы что? Чтобы только не быть одной? Так тогда это у меня проблемы, а не у моего муженька-домоседа.

Но несмотря на убедительные аргументы, я чувствовала себя полной сукой... Ведь это я изменяла ему, именно я хочу бросить его без работы и каких-либо сбережений. И это я по камням разнесла наш брак, безучастно наблюдая за тем, как затухает наша любовь. А я любила. Наверное...

Муж долго смотрел мне в глаза, словно наблюдал за судебным процессом, что устроила я самой себе, и кивал, очевидно, соглашаясь с доводами и фактами. А в глазах его было пусто... Ни злости, ни разочарования. Сплошная выжженная пустыня, и, наверное, высушила её именно я.

– Мама, выйди, – почти шепотом сказал Миша, очевидно, понимая, что от этого разговора уже не уйти. Он медленно, почти обреченно сполоснул руки под краном, обтер о белоснежную футболку и навис над матерью.

– За любовь бороться надо, сын. Борись! – процедила Зина и, гордо вздёрнув подбородок, вышла, намеренно не закрыв за собой дверь. Какой уж тут турецкий сериал, когда за стенкой будет решаться судьба её сыночка?

Я стала лениво скользить взглядом по своей кухне. Впервые за долгое время смотрела как-то трезво, придиричливо, и все вдруг показалось чужим.

Исчез мой стильный минималистичный декор. Искусственные пластиковые маки цвета крови вытеснили из тонких хрустальных мензурок мои любимые сухоцветы, льняные полотенца оливкового цвета были заменены на аляпистые вафельные тряпки, силиконовые перчатки валялись в коробке с моими вещами на подоконнике, а на ручке духовки висели строченные пёстрые петушки-прихватки. Кур...

Грудь сдавило, я словно перестала узнавать свою квартиру! Воспоминания того, как мучительно долго и тяжело проходил ремонт, как я впахивала на двух работах, чтобы сделать все качественно и красиво, как на картинке из модного журнала, зарябили перед глазами: смена трёх прорабов, четыре бригады строителей и два дизайнера... а также море испорченных нервных клеток и глубочайшие кратеры синяков под глазами, что с тех пор стали моими верными спутниками.

Но добил меня красный бабушкин коврик у раковины, закрывающий сложный рисунок кварца. Меня будто вовсе стерли отсюда... Все следы спрятали, засунув в небольшую коробочку на подоконнике.

– Да убери ты уже свою тарахтелку! – рявкнул Миша и выхватил смартфон, отбросив его к своему.

А у меня и вовсе кончились слова. Не могла изъясняться. Все было на уровне ощущений. Я мысленно бродила по квартире и искала то, что упустила, то, что ещё было изуродовано, пока я «спала».

Обернулась и до боли прикусила губу, увидев натянутую под потолком бельевую веревку, на которой сушились семейники, мои кружевные стринги и платье свекрови. Я с тоской смотрела на резную лепнину потолочного карниза, что восстанавливали два месяца, как дань Сталинской постройке, а теперь она пожелтела от постоянной влаги сохнувшего белья.

Ерунда? Конечно, ерунда... Но тогда почему мне нечем дышать? Почему внутри тикает запал и сверкают искры? Почему мне кажется, что пока я делала вид, что и так жить можно, меня стирали из моей собственной квартиры? Здесь больше нет любимых мною вещей, здесь словно нет меня...

— Нам надо... — начала было я, но отвлёк внезапный сигнал входящего сообщения.

Медленно протянула руку к телефонам и, не глядя на экран, скинула блокировку отпечатком. Смотрела в когда-то любимые глаза и удивлялась их безжизненной тусклости.

Быть может, и я такая же? Быть может, и я научилась смотреть на мир вот так же? Как через грязное, покрытое толщей сажи стекло? В ладони снова провибрировал гаджет, напоминая о непрочитанном сообщении, а я мысленно взмолилась, чтобы это был не Зорин. Добить меня решил? И так держусь из последних сил, чтобы со стыда не сгореть.

«Вчера все было превосходно. Я только о тебе и могу думать!»

Буквы стали складываться в слова, слова приобретали

смысл, а смысл ожогом отпечатывался в мозгу. Какого хера? Как он нашел мой номер?

Люся, что ты несешь? Он же мент, для него это как два пальца обоссать. Или об асфальт... Неважно!

Гад! Придурок! Ещё наглость имеет взять и написать эту пустую, абсолютно похабную эсэмэску? Если включил мозг, поднапрягся и нашел мой номер, то должен был и узнать, что я пока замужем! Или на это и расчет? Решил подставить меня в отместку? Подлый... Гадкий!

Уррррод... Мент, одним словом!

Ненавижу слабых мужиков! Я их просто перестаю замечать, они замыливаются в неясное пятно, рано или поздно превращаясь в... Кура?

И я уже готова была выключить телефон, когда вдогонку пришло новое сообщение с того же неизвестного номера:

«Я же говорила, что твоя тупая адвокатесса даже не поймёт, что тебя дома не бывает. Кстати, милый, у меня на тебя планы, поэтому скажи своей толстухе, что на все выходные едешь на дачу... Я жду тебя. И вся пылаю...»

Но неизвестному абоненту этого было мало. Контрольным выстрелом стала прилетевшая фотография...

Я глазам своим поверить не могла, что правда смотрю на женскую небритую промежность!

Тошнота волнами стала подкатывать к горлу, отзываясь кислотой кофе и табака.

Я подняла глаза на мужа и не увидела ничего... Он безэмоционально закидывал в рот орешки, стряхивая на пол шелуху арахиса, даже не подозревая, что только что произошло.

Телефон выпал из моих рук на каменную столешницу, приземляясь рядом со вторым... точно таким же. Миша на свой день рождения так хотел хороший подарок, потому что заслужил. Так хотел! Заваливал намёками, восторгался моим современным гаджетом, нарочито горько вздыхая на свой, как он говорил, тупорылый кусок пластмассы. Признаться, мне было тогда вовсе не до нравоучений, что взрослому мужчине нужно быть и поскромнее! Его «тупорылый кусок пластмассы», вообще-то, прошлого года выпуска, а когда я его ему дарила, то он ещё был бодр и умён.

И я просто в очередной раз дала ему то, что он хотел. Так чего же я теперь смотрю на два одинаковых гаджета и удивляюсь? Все одинаковое. И сценарий один и тот же... Вот только здание все равно уже разрушено.

– Это был твой телефон, – я сжала челюсть, встала и подошла к окну.

Распахнула створки и практически вывалилась на улицу, лишь бы вдохнуть свежего воздуха! Легкие пекло, а в глазах было сухо. Чувство вины сплеталось со злобой, ощущением предательства, но по сути... Оказалось, всё равно. Вот так... Таща за собой балласт, никто не даст гарантию, что рано или поздно тебе не придётся тянуть двоих.

Боже... Я содержала любовницу мужа? Эти его непомерные траты, нелепые женские курсы... Платила я, а на марафон желаний ходила она?

Желчь стала прожигать гортань... Хотелось крушить, орать, ломать, чтобы хоть как-то заполнить образовавшийся внутри вакуум. Но все это я переживала внутри, в очередной раз заперев чувства и эмоции под замок, чтобы не дать повода для драмы. Без неё проще расходиться, это я уже тоже поняла на своей шкуре.

– Это... Это... Ошиблись номером, любимая! Ну что ж ты у меня такая дурочка наивная? Всему веришь, – Миша вскочил со стула и в один прыжок оказался за моей спиной. – Люблю тебя, мою карамельку мятную. Мою сладкую девчонку, мою изящную статуэтку...

Его дрожащие влажные ладони опустились мне на плечи, вызывая новую волну тошноты. Эти нелепые, никому ненужные и лживые слова лишь касались уха, но отлетали, потому что я словно вернулась в прошлое. Уже было. Это уже где-то было...

Один – один... Око за око. Измена за измену. Так чего же я ною? Всё по справедливости.

– Сколько тебе нужно времени, чтобы собрать все свои вещи и съехать? – слова сами слетели с языка, после чего я смогла выдохнуть.

– Съехать???? – ор свекрови резанул слух, а по коридору уже слышались шлепки её розовых резиновых сланцев. – Ты

одумайся, Люда! Одумайся! Кто тебя терпеть станет? Кто??? Ты ж холодная, как этот идиотский каменный пол, над которым ты трясе́шься, как полоумная! — она с силой топнула по витиеватому дымчатому рисунку, будто больно хотела мне сделать. Она и в выражениях не стеснялась, лупила по больному, прямо в цель, чтобы припекало ещё долго. И получилось...

Я сейчас не ощущала себя преданной, нет. Не имею на это права. Я ощущала себя осужденной, которой объявляют вменяемое преступление, а заодно и срок.

И зябко так стало... Неуютно. Квартира перестала быть моей крепостью, перестала быть защитой, превратившись в холодный одиночный карцер. Я обняла себя руками, стала потирать ладонями плечи, изо всех сил стараясь не разрываться.

— Фригидная! — с диким рёвом завопила свекровь. Я хоть и стояла к ней спиной, а все равно ощущала лютую злость и готовность вцепиться мне в волосы, лишь бы отомстить за обиженного сыночка! — Бесчувственная, повернутая на своей работе. Тебя же детдомовские больше интересуют, чем собственный муж. Миша потратил на тебя все лучшие годы! Бросил бизнес, лишь бы Люде было спокойно и комфортно! Ты посмотри, какой он стал! Это ты вон жируешь на взятках, липосакцию, поди, втихаря сделала, жопу свою, насиженную в кабинетике, откачала, а Мишенька? Он же почти четыре года был твоим тылом...

– Выйдите отсюда, – прошептала я, но получилось как-то слишком громко. Я впилась рукой в деревянный подоконник, сдерживала рвущиеся эмоции. Сжимала челюсти, скрипела зубами, но не отвечала. Пусть буду виновата. Пусть. Лишь бы просто остаться одной. Просто побыть в тишине.

Руки мужа все крепче сжимали мои плечи. Он с силой впивался пальцами, прижимался грудью изо всех сил, но было совершенно не больно. Я просто перестала что-либо чувствовать. Застыла каменным изваянием, пытаюсь понять, как моя жизнь превратилась в уродливый вареник с фальшивой начинкой.

– Меня? Прогонять? Да я мать! Да я для тебя сделала больше, чем твои родители... Неблагодарная! Да я ж твои трусы стирала, я ж твою квартиру обуючивала, я эти безвкусные сухие веники...

– Это конец, Миша, – собрала оставшиеся крохи нежности и прижалась щекой к руке мужа в последний раз. – Это конец...

Глава 8

Кирилл

– Как не вовремя!

Я шурился и массировал виски, чтобы снять напряжение. Признаться, если б не Гера, то я сегодня и вовсе не выходил бы из дома. Сидел на кухне, смакуя вторую чашку кофе, и тупо смотрел в небо.

В современном мегаполисе уже почти не осталось квартир, из окон которых видно голубое покрывало. Просыпаясь, ты видишь пылающие огоньки чужих жилищ и монолитные стены холодных высоток. Будь моя воля – застроил бы нашу гигантскую территорию одноэтажками. А что? Площадь позволяет! Чтобы люди чаще смотрели наверх.

После разговора с Гвоздём остался неприятный осадок, конечно. Но я не барышня кисейная, переживу.

Брякнул фарфором о каменную мойку и стал собираться. Гера ждать не любит, а я терпеть не могу опаздывать.

И когда я уже был готов, телефон взорвался звуком полицейской сирены:

– Кир, ты что там Гвоздику наговорил? – друг орал так, что пришлось убрать телефон от уха подальше.

– Моня, тебя это не должно волновать. Ты остался при своих звездах, выдыхай. А мне осточертело то звездопад хвалебный ощущать, то заморозки. Я им что – игрушка для би-

тъя? Хотят – по верхней головке гладят, а хотят – нижнюю сжимают в тисках?

Я бегом сбежал по лестнице и рванул в сторону парковки, отчаянно жмякая пульт сигнализации.

– Так ты и про субординацию ничего не слышал, друг. То же ангела-то тут из себя не строй, хотя бы при мне. Да будь я на месте полкашки... Эх, но я не на его месте, а ты мне друг, поэтому внимай и не перебивай, – Ярику, очевидно, было не до шуток, оттого и тон голоса стал таким серьезным, трескучим. – Короче, брат, слушай меня: Гвоздик сказал, что на этой неделе к нам приезжает какой-то хер с лысой горы. И, между прочим, поговаривают, что старик будет его готовить вместо себя.

– Очень интересно, спасибо, дружище, за свежую сплетню. Я ахнуть должен был в какой момент? – психанул и, закрыв машину, пошёл за дом, где у гостиницы всегда толпились таксисты. Нажрись! Точно нажрись!

– А то, что ты берёшь себя в руки и вновь становишься любимцем Гвоздика. Ты же понимаешь, что означает приехавший чужак?

– Понимаю, Ярик, но ничего с этим поделать не могу. Я все равно нарумяню задницу старика рухнувшим планом раскрываемости. Пусть и его головку помассируют как следует!

– И кому ты сделаешь хуже? Себе? Ты Гвоздя-то еле перевариваешь, а представь, что будет, когда какой-то хуй за-

сланный появится в нашем царстве закона и порядка? Все, Чибисов, выдыхай. Он урод, согласен. Но пора занять его место!

– Ты у Блиновской не подрабатываешь, Моня? Очень воодушевляет. И Генеральчик тоже умом тронулся, кстати, так и передай! – крикнул я и отрубил звонок.

То, что Гвоздь вызвал какого-то уника из области, я был в курсе. Не понравился дедушке наш разговор. Рассердился дедушка. И решил меня носом ткнуть, что повышать статистику умею не только я. Ну что ж... Посмотрим.

– Моня, – я снова набрал друга. – А ты не знаешь фамилию новой звезды?

– Звериная какая-то, точно помню. То ли Медведев, то ли Овчинников, а может, и Козлов...

– Баранов? – внутри будто струна лопнула. Я выскочил из такси, подъехав к бару, где меня уже ждал Керезь.

– Может, и Баранов. Завтра узнаю...

Я сжал в ладони трубу с такой силой, что чехол хрустнул.

– Нажрусь...

План был у меня четким, продуманным и не единоличным, как оказалось, потому как Лёвка Доний, увидев меня, свернул горлышко коньяку.

– Ты-то меня поддержишь, брат? – Лёва криво усмехнулся и наполнил для меня бокал, даже не дождавшись ответа.

– Что, Лёва, тоже жопа? – я скинул кожанку и плюхнулся в кресло, махнул Керезю, сидевшему за барной стойкой с

какой-то силиконовой блонди.

– Ещё какая, Кирилл. У меня в офисе крыса, представляешь?

– А ко мне в офис закона и порядка тоже едет крыса, – я опрокинул рюмку и зажевал лимонной долькой. – У тебя что? Бабки?

– А в том-то и дело, что нет... Вообще крысы странные пошли. Воруют базу, уводят клиентов, методично смазывая мою шею маслом, чтобы вздернуть было легче.

Лёвка Доний был отвязным балагуром и оптимистом, поэтому видеть его в столь подавленном состоянии было максимально странно. Я даже завис, не понимая, что и сказать.

– Так давай задушим тварь? Пока меня не уволили.

– Во-первых, надо найти её, а во-вторых, Кирилл, твоя морда уже примелькалась. Спалимся...

– Есть у меня один должник, он нам и поможет. Генеральчику поручу, он ищейка что надо, да и харя его незнакомая. Только тряхнуть твой муравейник нужно, понимаешь? Пусть начнётся небольшая паника, тогда и выбивающихся из строя легче искать.

– Что ты предлагаешь?

– Сместить фокус внимания, пусть задёргается, начнёт проявлять инициативу. Поверь, когда в гнездо залетает чужой дрозд, владелец гнезда появится сам, – я опрокинул ещё одну стопку по горячим следам и только тогда откинулся на мягкую спинку, чтобы попытаться расслабиться.

– Здоровые мысли глаголишь, Чибисов. А у тебя в чем жопа?

– Так в том же... Только дрозд уже летит в моё уютное гнёздышко. И стучать он будет ой как знатно, чтобы кресло тёплое занять.

– Как сказал один мудрый и немного датый мудрец, – заржал Лёва и со всей своей богатырской дури треснул меня по плечу. – Смести фокус внимания с этого дрозда на себя.

– Засранец ты, Лев Саныч, засранец... Стоп! А Гера куда намылился? – я обернулся как раз в тот момент, когда разъярённый Керезь выскочил из-за приватного столика в углу зала и рванул к выходу.

– Это что за Ветер перемен тут разыгрался? – Лёва вдруг скинул маску задумчивости, а на лице его заиграла такая мечтательно-влюблённая лыба, что даже смешно стало. Но ненадолго... Потому как из беснующейся толпы выплыла моя новая, но пиздец как хорошо знакомая Людмила Аркадьевна Курочкина.

Моя челюсть сбавала рядом с Лёвкиной, а глаза должны были выпасть и покатиться следом за шикарной женщиной.

Я, как чумной, смотрел вслед её ошеломительной фигуре и бесконтрольно генерировал все новые и новые позы, что не успел опробовать. Ещё даже не вдохнул запах её кожи, не ощутил нежность пушистой копны волос, не наслаждался соблазнительными пропорциями, а член уже стал болезненно каменным. Да и вообще, кровь забурила, то с силой ударяя

в мозг, то отливая, лишая способности мало-мальски сообщать. Как собачонка, смотрел на лакомство...

Эта её шикарная аппетитная задница, крышесносные сиськи и длинные ноги с тоненькой щиколоткой.

Я пропал...

Мог бы – непременно объявил бы в розыск собственную выдержку. Но не могу... Сдулся майор... капитан Чибисов. Как шарик воздушный, готовый оказаться в её нежных ручках.

Боже, что это за женщина?

Откуда она взялась на мою голову?

И ведь дело совсем не в моське как с картинки глянцевого журнала, хотя признаться, личико у неё что надо, тут что-то другое...

– Бля... – зашипел Лёва и стал стремительно стекать под стол. – Лена Михайловна... Какого хера в этом баре собралось полгорода? Ещё этот Груздев, оказывается, благотворительную вечеринку закатил.

– Кто такой Груздев и кто такая Лена Михайловна?

– Лена – девица, которую мне матушка навязывала для...

Короче, в целях обретения статуса государственного образца, – друг прикрылся курткой и лишь кивал на бутылку, намекая, чтобы налил.

– Женился чтобы?

– Тьфу-тьфу-тьфу! Накаркаешь ещё! – зашипел Лёва, стягивая бокал под стол.

– Эх... Не бережёшь ты свою матушку, Лёва. Не бережешь!

– Еще как берегу. Сходили пару раз в ресторан, но от неё спать охота, Киря, – Лёва крутанул головой, а убедившись, что горизонт чист, выполз обратно. – Если и жениться, то на той, что до конца твоих дней будет занозой в заднице. На той, которую даже в шестьдесят ты не отпустишь с подругами в бар, на той, что заменит тебе весь мир! И даже если вы поругаетесь, то потом мириться будете так, что случайно спалите хату. Поможешь, если чё, со страховой?

– Осторожнее с желаниями в барах, – усмехнулся я, не сводя взгляда с Курочкиной. Она подсела за столик к подруге, которая теперь мне показалась уж слишком знакомой, и они стали переговариваться, эмоционально размахивая руками. – Кто это? Ты же всех знаешь.

– Это ягодка, Кирилл. Сладкая такая, трепетная, лёгкая, как ветерок...

– Трепетная? – я чуть дымом не подавился. Трепетная... Знаем мы тот трепет.

– А... Ты о другой? – очевидно, друг проследил за моим взглядом. – Это Люся Курочкина, а с ней Вероника Ветер.

– А трепетная-то кто?

– Ну, точно не Люсинда, – заржал Лёва. – Эта тебя в бараний рог свернёт и не поморщится. Баба-огонь, с ней и в разведку, и в психушку, и на Колыму, не дай Боже...

– Ты влюблён, что ли?

– Да за ней полшколы бегало, – снова рассмеялся Лёва. – А она за Антошку замуж выскочила на первом курсе.

– Ху из Антошка? – пока Лёва не понял причины моего несанкционированного допроса, я закидывал его вопросами, а сам продолжал рассматривать девушку.

– Ублюдок один, – Лёва скривил лицо. – Так, ладно... Дружище, прошу прощения, но вынужден оставить тебя, ибо нет сил сопротивляться ветру! Чао!

Как только Курочкина оставила подругу одну за столиком, Доний скрылся в толпе...

Но это меня уже не волновало. Я как зомби уже шёл по следам Люси...

Глава 9

– Зорин, я всё тебе сказала уже!

– Нет, ты объяснись, Людмила. Получается, просто пользовалась мной? И всё?

– Зорин, я терпеть не могу мужских истерик и искажения фактов. Ты можешь молоденьким девчонкам эту чушь втирать, а мне не стоит. Пользовались мы обоюдно, на заранее оговоренных условиях. Не так?

Я стоял за колонной, медленно попивая коньяк, но почему-то алкоголь был пресным, безвкусным, и даже отрезвляющего жжения я не ощущал. Мой мозг был сосредоточен на разговоре, что уже выходил за все рамки приличия.

Бля... Кого я обманываю? Просто этот эмоциональный трёп дико раздражал меня.

К бабке не ходи, Курочкина трындела со своим ёбарем, которого отправила в отставку. Ну, огонь-женщина, это при живом-то муже? Хотя кто бы говорил... Но у меня есть алиби – я не знал, что она замужем. А вообще, с замужними я ни-ни...

Так вот, этот холёный перец меня уже изрядно достал своим нытьём. Он не обращал внимания на любопытствующую толпу, и на алые от смущения щёки Милы, ему просто хотелось утвердиться, пусть и за счёт репутации женщины, что

ещё недавно грела его постель. Права Мила, тряпка он.

Спасти?

Хм... Вопрос.

Пока мой мозг взвешивал все плюсы и минусы, ноги уже несли к повздорившей парочке.

– Ты обиделась, что я перенес совещание? – эх... явно не о совещании он говорил, придурок. Да весь его вид просто кричал о том, что эта женщина ему не чужая. Он словно нарочно накалял обстановку, чтобы она прогнулась под давлением общественностью. Но Курочкина не так проста...

Она была в гневе! Казалось, что в любой момент из её ноздрей вырвется пламя, чтобы спалить горе-любовника. Она хоть и румянилась, но продолжала стоять на своём.

Ладно, Людмила Аркадьевна, спасу.

В благодарность за один из крутейших трахов в моей жизни. Вроде все как всегда, а ведь до души ментовской пробрало и до сих пор не отпустило. Смотрю, а яйца аж вибрировать начинают. Магнетическая какая-то. Сильная. Яркая. Бомба с отложенным стартом, который ты никогда не сможешь предугадать.

– Милок, – я довольно нагло уложил руки на её талию и впечатал спиной себе в грудь с такой силой, что Мила выронила стон. Она вскинула голову, и я вновь обжегся о её горящие глаза. Зелёные, как у ведьмы, с яркой чёрной радужкой. Зрачки расширились, губки-бантики распахнулись, транслируя полную растерянность. – Пойдем, сладкая, там

конкурсы начинаются.

– Кирилл... – только и смогла выдавить она, но покорно кивнула и развернулась к сцене.

Я отпустил её, позволив на мгновение затеряться в толпе коллег, а сам резко развернулся, сгребая за грудки этого очкарика.

– Ты кто?

– Зорин...

– Слушай, Зорин, ещё раз свой взгляд забудешь в её сиськах, я забуду, где твой хер зарыл. Ясно? А если и найдешь, то будешь свой хер по кусочкам собирать и слезами омыwać. Я достаточно красочно описал перспективу?

– А ты кто?

– Недостаточно, очевидно, – усилил хват, цепляя пальцами ворот так, чтобы пидорский накрахмаленный воротничок, застегнутый на все пуговицы, впился в его горло. – Что ж ты, ботан, непонятливый-то такой?

– Все! Все! – он жалобно застучал кулаками по моей груди.

– Не отвечивай...

Я бросился в толпу и вовремя, Милка уже со всех ног бежала в сторону женской уборной, но что – я зря тридцать три балла набрал на квалификации? Догнал, схватил негодницу и уже в отработанной манере потянул на себя.

– Милок, ну куда же ты?

– Чибисов, – зашипела она мне в шею. – Ты следишь, что

ли?

– Нет, это ты постоянно мне дорогу перебегаешь.

– Спасибо за улаженный скандал, но это ничего не значит. Отпусти... – девушка упиралась руками мне в грудь, но чем отчаяннее она пыталась вырваться, тем крепче я прижимал её к себе. Ладонью удерживал её голову, заставляя склониться к плечу.

– Что ж ты вспыльчивая-то такая? Откуда в тебе столько огня, Людмила?

– Меня Люся зовут, – прошептала она и со всей дури вонзила свои зубки в шею.

– Люся, так Люся. Только я буду тебя называть Милкой, как шоколадку, – платье из тонкого шелка провоцировало меня. Я как придурок щупал свою добычу, водил по силу-эту, аккуратно скользил по рукам и всё время дышал... дышал... Обворожительно-сладкий аромат. Точно, шоколадка...

– А ты всегда идешь в столкновение, да? – когда я ослабил хват пальцев, Мила чуть откинула голову, чтобы полоснуть взглядом своим злющим.

– А так жить проще. Идешь против толпы, и тебя постоянно дубасят, врезаются, хамят... А когда ты по течению плывёшь, то никогда не ожидаешь, когда по яйцам прилетит. Поэтому да, ты права, – она не отводила взгляда, позволяла насытиться ласковым пламенем, что изредка вспыхивал в расширяющихся зрачках. – Лоб в лоб.

– Люда! Конкурс! – чьи-то цепкие руки схватили Курочкину за локоть и потащили напрямиком на сцену. Я хотел было разжать пальцы, но Мила явно что-то задумала, потому как схватила меня за футболку и звонко рассмеялась.

– Тогда пора столкнуться, Чибисов! Пора, сладкий мой, как шоколадка!

Мамочки родные! Да что это за женщина? Огнище...

Я покорно шел за ней, упиваясь ошалевшим от возбуждения и предвкушения взглядом, покорно позволил втянуть майора... капитана полиции в абсолютную авантюру.

Но было феерично!

Я будто вновь вернулся во время, когда мне восемнадцать, весь мир у моих ног, а впереди уйма мест, возможностей и разврата!

Последним мы и занимались... Отчаянно, самозабвенно и весело. Люся хохотала, как девчонка, крепко держала меня за руку и перебрасывалась острыми фразочками с Лёвкой, выбежавшим с девушкой на сцену почти сразу за нами.

– В тему конкурс, да? – ржал Доний, взглядом показывая Курочкиной на выданный перед финальным конкурсом реквизит в виде яйца.

– Хана тебе, Доний! – Милка с такой яростью полоснула большим пальцем себе по горлу, что страшно стало даже мне. – Чибисов, если мы просрём этот конкурс, то я твои ко-косики тоже отчекрыжу. Усёк?

– Неа. Милочек, а мне что с этого выигрыша? Я открыт

для переговоров.

– Победа!

– Победа нужна тебе, сладкая.

– А тебе что нужно? – она прикусила нижнюю губу машинально, но так соблазнительно, что член в джинсах стал ломиться на свободу.

– Ты.

– Хер тебе, Чибисов, а не шоколадка. Говорят, от сладкого кое-что слипается, – Люся вильнула своей аппетитной попкой и влезла коленями на мягкую кушетку. Я просто остолбенел! Как истукан замер, наблюдая, как она дикой кошкой ползет по бархатному матрасику. Бессонная ночь мне обеспечена. Нам! Нам обеспечена, мной...

– Это принцип? – я обернулся, а убедившись, что все увлечены ведущим, быстро сжал ее щиколотки и со всей дурри укусил за задницу. Ибо не хер быть такой сладкой. – У адвокатов нет принципов. Не надо ля-ля!

– А я плохой адвокат! – Люся взвизгнула и попыталась перевернуться, за что получила второй укус. Для симметрии. – А ты отвратительный представитель власти.

– Зато я охренительный представитель тебя в своей кровати...

– Мечтать, капитан Чибисов, – Люся всё же смогла перевернуться, ещё и растянулась в такооой коварной улыбке, что прям лимон уложить меж её губок захотелось. Зараза такая! Ой... Эта женщина явно на строгой диете, питает-

ся мужской кровью и захлёстывающим возбуждением. – Команда мечтать дана, капитан. Усёк?

– Ещё бы!

Сдохну, но уедет со мной. А пока... А пока пусть приготавливается, ибо я встал на скользкую дорожку её правильного питания.

...

В огромных женских глазах разыгрывалась буря. Настоящая, убойная, смертоносная. Эмоции так и рвались наружу, однако Люся мастерски их сдерживала. Но выдавал её взгляд: пылающий, живой и непредсказуемый. Она тонула в своем возбуждении, неосознанно подогревая моё. Сжимала губы, стискивала пальцами края кушетки, впивалась ногтями в нежный бархат, но не издала ни звука. Казалось, ещё чуть-чуть, и она взорвётся, как шарик воздушный. А это мне и было нужно. Ещё как нужно!

Её эмоции хлеще дури, ты перестаешь здраво воспринимать реальность, тебя не волнует собственный статус, уровень зашкаливающей глупости этих конкурсов. Да тебя вообще ничего не интересует! Тебя просто безжалостно топят в густом тумане женского очарования и соблазнительности, а ты и не барахтаешься. Тонешь, принимая казнь как благодать и счастье.

Хоть Люся и молчит, но вид у неё абсолютно страдальческий. Вижу, как по коже ног струятся табуны мурашек, вижу, как её брови смыкаются на переносице, а веки все мед-

леннее и медленнее смыкаются.

Я толкнул яйцо, и оно заскользило по ногам, прячась в шелке платья.

– Не смей... Не смей...

– Серьезно? А вот твои глаза говорят обратное, Милочек.

– И что же они говорят?

– Трахни меня на глазах у всех, – прохрипел я и, подцепив край ткани зубами, стал тянуть вверх. Обернулся, а поняв, что вокруг нас слишком много народу, встал на колени, прикрываясь Милку от чужих глаз.

Она была подо мной, такая горячая, нервно подёргивающаяся, но ни за что не признающаяся, что хочет того же. Принципы, значит... Окей...

Я лишь пробежался носом по впадинке от колен до чёрной сетчатой ткани белья, а она заскулила. Тихо-тихо, как мышка. А засмеялся, читая вышивку на полупрозрачных трусиках: «Мечтай!»

– Надеюсь, ты не думаешь, что я глухой?

– Кати яйцо, Чибисов! Просто кати это гребаное яйцо дальше, – она отпустила свою сдержанность, едва заметно подвигивая бёдрами. Мазнул языком по коже её бедра, проникая чуть глубже, чтобы зацепить клочок ткани, а потом размашистым движением лизнул от лобка до пупка.

Моя девочка тряслась, как поломанный вибратор. Я слышал стук её зубов, видел блуждающий хмель в глазах и кайфовал.

Шелк совершенно не тянулся, не позволяя мне занырнуть в её пышную грудь, вдохнуть тепло её тела, поэтому я все так же меееедленно катил яйцо, подталкивая его языком. А когда оно умостилось между двух полусфер, замер, придерживая подбородком. Всего пара миллиметров отделяла нас от победы... Всего пара миллиметров.

– Тебе решать, либо ты победителем едешь ко мне, либо поражённой, но всё равно ко мне.

– Мечтать, Чибисов... Мечтать, я сказала!

Это были её последние слова, потому что она очень быстро поняла, что сделала своим охренительно красивым ротиком. Люся не успела даже взвизгнуть, потому что я мгновенно ударил подбородком по хрупкой скорлупе.

– Чибисоооооов!!!!

– Мечтаю, Милка, мечтаю...

Глава 10

Не буду врать, смотрел вслед убегающей со сцены Милке не без удовольствия. Даже улыбку свою не сдерживал. Перекашивался с пятки на носок, пытаюсь унять захлёстывающее возбуждение. Но не физическое. Нет... С каменным членом я могу справиться, а вот со взрывающимся мелкими пузырьками мозгом – нет. Не умею. Не было у меня подобного. Я себя ощущаю пломбиром, на который налили газировку: пенюсь, шиплю и растекаюсь бесформенной массой. Занятно. Весело. Но пипец как неудобно.

– Кир, ты что устроил? – Доний ржал так, что казалось, сейчас на сцену рухнет без сознания. – Курочкина тебе этого не простит. Смертник ты, Чибисов. Смертник...

– Всё равно со мной уедет!

– Ой ли...

Эх... Я даже представить себе не мог, что мои неаккуратно сказанные слова окажутся пророческими.

Мы с Лёвкой вернулись за свой столик, но, не сговариваясь, мониторили часть зала, откуда виднелись двери уборных.

– Ты её знаешь? – Доний плеснул мне водки и затянулся кальяном.

– Ага, она в меня бутылкой пульнула в баре, еле увернул-

ся. Решил наказать безбашенных горе-алкашек, а там Люся-я-вся-томлюся. Она меня чуть не угробила, а смотрела так, будто это я её в темном переулке подкараулил с монтировкой наперевес. А потом оказалось, что она так мужика себе загадывала нормального. Как думаешь, я нормальный? – хохотнул и опустошил бокал, но спасительной горечи так и не почувствовал.

– Давай будем сдержаннее с формулировками, – снова заржал Лёва, стекая по дивану. – Я тебе больше скажу, Чибисов, ни от тебя, ни от Люсьен нормальностью даже не пахнет. Она знаешь какая? – если бы я своими глазами не видел, как тот облизывается на Веронику Ветер, то решил бы, что он втюрился в Милку по самые тестикулы, настолько было у него блаженное выражение морды. – Люська – стена. Понимаешь? Такая надёжная, несущая. Как говорит Царёв, на таком фундаменте простоит целый дом, даже когда вокруг бушует буря.

– Да она сама буря, Лёв.

– Это да, – закивал Доний. – И ей нужна такая же глыба, монолит, понимаешь? Поэтому тут не про нормальность вообще. А про умение жить, как на вулкане, и чилить с холодным «русским белым». Но это неважно сейчас, – друг пульнул под потолок густые кольца дыма и злорадно захихикал. – Она выбрала тебя. Помнишь сказку про Царевну-лягушку? Вот. Поздравляю, Чибисов, ты – лягуха, в которую угодила стрела Люськи Курочкиной.

– Козёл ты, Доний, – я бросил в хохочущего друга горстью фисташек и закурил. – А всё сказочки читаешь.

– Да я серьёзно. С ней же можно связываться, только если не боишься быть раздавленным.

– Абыюзерша? – ржать пришла моя очередь, как только представил домострой «по системе Курочкиной».

– Да нет. Ну, вот взять последнего её мужа...

– Последнего?

– Третий, кажется. Или четвёртый... – задумался Лёва. – Третий. Да. Три раза я лично её из ресторана воровал, пытался в почти игровой форме предотвратить Армагеддон, так сказать. Не удалось...

– Вор и рецидивист, значит?

– Отставить ментовской юмор! Последний официальный у нас Мишаня. Нормальный вроде мужик был, мы с парнями его даже пробивали: ни алиментов, ни обременений. Кристалл! И бизнес у него был, и денёга водилась. И вроде счастливы были, а потом ХОП! И в домохозяйку превратился. Хрен его знает, что там у него произошло, но схлопнулся его магазинчик, да так, что Люся долг выплачивала ещё год. Сама, от помощи отказалась. Упёртая, как единорог из красной книги.

– В смысле? – я давненько не слушал сплетню вот так, захлёб. Сопоставлял полученную информацию с тем, что уже сумел пробить сам об этой горячей незнакомке, но что-то плохо получалось. Признаться, была мысль, что она свои-

ми «леваками» разбавляет унылую бытовуху с каким-нибудь щекатым банкиром, но... мимо. Выходит, и в горящую избу? И коня...

– В коромысле. Она ж года три впахивает, как лошадь ломовая. Тащит и свою ипотеку, и его вечные скитания за смыслом жизни. Жалко, конечно. Но это чувство Люся презирает. Да и сама разберется, это от первого сложно было уйти, а уж с третьим... вслепую найдет дорогу в загс.

– А что с первым? – я максимально сконцентрировался, чтобы не выдать эмоций.

– Да он её после развода больше года терроризировал. Люся продала машину, потому что все ДПС тормозили её, как по расписанию. Изводил, как чёрт последний. Пока Ника нам не пожаловалась, тогда Мирон уже вмешался. А потом Баранова сослали в жопу мира за какую-то провинность, насколько я знаю. Дальнейшая судьба его неизвестна, хоть мы и одноклассниками были.

– Урод, – прошипел я и на мгновение закрыл глаза.

Люся сказала Зорину, что ненавидит мужские истерики, а я терпеть не могу мужскую подлость и желание самоутвердиться, показать собственную мифическую важность за счет женщины. Ушла – значит, либо не твоя, либо ты ни хуя не сделал, чтобы она была с тобой как за каменной стеной. Это моё убеждение. А остальное – отговорки и чушь современной свободы слова.

Нельзя воспитать ни мужика, ни бабу. Нет, ну женщи-

ну можно запугать, забить и заставить поверить, что жить по твоим правилам – это норма. А потом обычно вот такие «ломальщики» спокойно находят более молодую жертвую, а бывшая пытается дальше жить. Вот только правила уже давно вызубрены... А реальность уже другая. И тогда она находит точно такого же утырка, спокойно выдыхает и начинает зубрить уже другие правила, но все так же прилежно и наизусть. Поэтому если на пути встречаются одни больные, то можете себя поздравить. Экзамен по «теореме о мутилах» вы сдали на отлично. Что сказать, годы тренировок...

А с мужиками вообще все просто. Он либо твой, либо нет. Можно бесконечное количество раз прощать измены, обиды и медленно сгорать от неутрахающей тревоги в сердце, но по факту... Ты его таким выбрала и живешь дальше, лелея надежду приручить. Но он не приручится, не выучит, где его «место», не завяжет блядский член на бантик. Поэтому Лёва мне может сколько угодно говорить про встроенный в Курочкину каток, потому что ни одна женщина не захочет раскатать СВОЕГО мужчину, а ни один мужчина не позволит выгнать «каток» из депо...

– Лёв, а это что за долбоёщеры, жадные до чужих женщин? – я вроде прикрыл веки всего на минуту... А распахнув, чуть не ошалел, наблюдая, как Люся и её подруга присаживаются с какими-то упырьками за столик.

Голова вдруг стала чумная-чумная. Мысли туманом гнева заволокло. Я даже и дышал через раз, наблюдая, как ко-

роткостриженные гаврики в костюмах расшаркиваются перед своими жертвами.

Но больше всего меня... раздосадовал блондинчик с наколкой под ухом. Он то и дело подливал шампанское в её бокал, а сам прижимался тесно-тесно, да ещё и носом своим горбатым потирался о её плечо.

Хуя се... Бессмертный!

Не знаю, что во мне клокотало, но от этого внезапного чувства глаза кровью наливались и кулаки сжимались.

Как удав следил за своей будущей жертвой. Впитывал аргументы, на основании которых выпишу приговор этому обладателю крюка вместо носа, скрипел зубами от нетерпения «казни».

Но то, что произошло дальше, меня просто убрало...

Этот носатый вместе с очередной порцией алкоголя незаметно для Люси всыпал ей что-то в бокал, пока один из их компашки творил представление в виде разлитого вина по столешнице. И улыбочка его эта зафиксировалась в голове, как досье на самого лютого маньяка.

– Нет... Нет... Нет... – зашептал Доний, вскакивая с дивана. Очевидно, наблюдал за тем столиком не только я. – Ты видел?

– Я надеюсь, что ты не про женские ножки. Кислота?

– Я откуда знаю, Чибисов! Ты же мент! – чуть не заорал Лёва, когда Ника залпом опустошила шампанское.

– Да, но я пьяный мент, а это немного... обязывает, – я еле

сдерживал себя, глядя, как Люся пригубила шампанское, но эта белобрысая горилла подхватила бокал за ножку, заставляя опустошить тот до дна.

Сука! Так... Корки я оставил дома, поэтому, считай не придраться. Звезду мне и так уменьшили, дальше только сержанты, терять нечего. Окинул взглядом периметр, вычисляя слепые зоны камер, но их было столько, что с ума сойти! И как при таком наблюдении в бар заплывают эти ублюдки?

– Зато я не мент! – зарычал Лёва и бросился в толпу.

– Да и я не майор, – заржал в голос, догоняя друга. – Э! Голубки, чё, бабы просто так не дают?..

Это было последнее, что сказал я, прежде чем впечатать кулак под челюсть крючконоса. А дальше – швах! Тьма и опущенное забрало гнева.

Как только толчки стали повсеместные, вокруг загудело всё! Толпа стала волноваться штормовыми волнами, драка стала разрастаться, и вот уже кроме бьющегося стекла, мата и треска мебели не было слышно даже музыки.

– Лёва! – свистнул я, прижимая ногой к полу одного из той компании. – Ника отключилась!

– Бляя! – Лёва прыгнул с мужика и еле успел подхватить девушку за мгновение до столкновения с каменным полом.

– Курочкину забери! – я раскидывал толпу, пытаясь выделить более-менее безопасный коридор, а сам все время смотрел на диванчик, по которому стекала Люся. Ну, хоть не головой об пол, и так отбитая.

Лёва подтянул обмякшее женское тело через спинку дивана, а там я уже подхватил её на плечо.

– За мной!

– Ты куда? – Лёва махал в сторону центрального входа, который был ближе, но сквозь разбитое окно засверкали мигалки полицейских машин.

– Не тормози, Доний. Ни тебе, ни мне ночь в КПЗ не нужна!

– Что делать?

– Я вызвал знакомую бригаду, – мы выскочили в темный двор. – Давай, суй два пальца, только чур в рот...

– Козёл! И шуточки у тебя соответствующие, – зарычал друг, но, послушавшись, снял свой балласт, перекидывая, как я, через колено.

Скрутил её волосы в руке и с силой раскрыл челюсть, а когда Люся стала содрогаться в рвотных рефлексах, снова задышал...

– Вот так... Давай, девочка, давай...

Через мгновение нас ослепили мигалки скорой.

– Ну, Чибисов! – ворчал сонный Муравьёв, на ходу надевая перчатки. – Ты как умудряешься до работы доезжать без приключений?

– Вашими молитвами... Вашими молитвами... Плохо девчатам, креветки, наверное, тухлые были.

– Знаем мы эти креветки, после них провал в памяти...

Глава 11

Люся

Я распахнула глаза от навалившегося неуправляемой лавиной ужаса. Стала хапать ртом воздух, будто кто-то сжал шею. В горле пересохло, голова трещала, как полено в камине. Кое-как поднялась в кровати и пошатнулась от внезапно-го головокружения. Странная музыка, крики и гомон заглушали все мысли, я словно в вакууме зависла, отчаянно пыталась прийти в себя, но ничего не выходило!

– Доброе утро... – прошелестел тихий, сонный и явно МУЖСКОЙ голос за спиной.

Я не то что вздрогнула. Да я подпрыгнула на кровати, слыша лишь дикое биение собственного сердца. Обернулась, но бесполезно это было, потому что ни черта не видела. А убрать шторку с глаз было попросту нечем! Одной рукой я сжимала обнаженную грудь, второй держала клочок простыни, опасно потрескивающий от натяжения. В голове зашуршали бредовые мысли, нехотя пробирающиеся сквозь густую пелену похмелья.

Так... Вчера я была с подругами в баре. Потом? Что было потом?

Где я?

Что делать?

Отпустить простынь или грудь?

Чёрт... Никогда не думала, что встану перед столь сложным выбором. Если отпущу грудь, то смогу поднять занавес волос, а если отпущу простынь, то покажу свою бразильскую эпиляцию какому-то мужику!

Докатились, Курочкина, просыпаемся хрен знает где... Дальше что? Панель? Алкоголизм?

Понимала, что не шевелюсь и дышу через раз, что выгляжу сейчас полной идиоткой, но ничего не могла сделать. Меня словно парализовало, я вновь и вновь прикидывала все за и против, но не могла решиться: пирожок или тити? Тити или пирожок?

Чёрт, как сложно! Мамочка! Ты же заставляла меня учить геометрию, а не метаться между двумя вариантами, где один абсурднее второго.

– Ты же в курсе, что я тебя вижу? – снова раздалось за спиной.

Этот нахал ещё и посмеивался! Затащил в свою берлогу, опоил чем-то, раздел... И смеётся? Сквозь пылающий гнев я пыталась вспомнить этот голос. Он был мне смутно знаком, но картинка всё никак не складывалась в голове.

– Ты кто? – по комнате полетел мой испуганный шепоток.

– Твой подарок, малы́ша. Я твой подарок...

– Чёрт, – зашипела я и, отпустив простынь, откинула волосы назад. Но лучше бы я этого не делала. В ворохе скомканных простыней и раскиданных по кровати подушек ле-

жал охрнительный красавчик.

Мамочка... Мамочка моя... Что происходит?

Я уже вовсе забыла про то, что оказалась голой. Судорожно растирала глаза, практически выколупывая песок осыпавшейся туши, чтобы рассмотреть лицо моего «подарка». Курочкина, что это за жеребец? За такие подарки потом карму ещё полжизни отмаливать приходится, а в следующем перевоплощении и вовсе быть муравьём, или крысой придётся родиться. Б-р-р...

– Только не говори, что ты ничего не помнишь, – рассмеялся он, лениво потягиваясь. – Не огорчай меня.

Боже... Боже... Соберись, Люсенька... Да я забыла ко всем чертям, что лицо собиралась рассматривать! Честно! Прошу это зафиксировать под протокол!

Мои глаза сами заскользили по широкому развороту плеч, будто выточенным из камня мышцам рук и словно нарисованному торсу. Подушечки пальцев запекли, желая лишь одного – вновь и вновь пересчитывать кубики пресса.

Не подарок, а шоколадная конфета без обёртки, ей Богу! Во рту всё пересохло, кровь заиграла драм-н-бейс в ушах, и я уже ничего не слышала. Тыщ-тыщ-тыщ... Как кошка облизывалась на сметану. И это не фигурально...

– Людмила Аркадьевна, – протяжно протянул он моё имя, и весь хмель мигом слетел... Меня словно в прорубь бросили, а перекрестить и вытащить забыли!

Дёрнула головой и зашипела, падая грудью на кровать,

чтобы сохранить хоть какие-нибудь остатки гордости. Отчаянно сгребала простынь, пытаюсь прикрыться, но эта долбаная ткань отказывалась подчиняться, потому что была во власти мужчины...

Он сжимал край, медленно накручивая его на внушительный кулак. Смотрела, как сильные мужские пальцы перебирают шелковистую ткань, и готова была капать слюной. И я так засмотрелась, потеряв бдительность, что и не заметила, что ползу к нему, как раненый зверь – на лассо.

Потянула носом, ощутив, как облако тонкого мужского парфюма поглощает меня с каждым вдохом. Сама того не понимая, застонала от дерзости одновременно чего-то сладкого, как шоколад, и свежего, как морской бриз.

Слабачка! А ну соберись!!! Возьми себя в руки и прекрати вести себя как мышь, дуреющая от губительного аромата сыра. Это ловушка!

– Людмила Аркадьевна... – вновь зашептал парень за мгновение до того, как моя голова оказалась практически вжатой в его торс.

Ну ладно... Не совсем торс. И не совсем вжатой... Я просто опустила подбородок на бугор, прикрытый ворохом простыни. И что-то мне подсказывало, что с твердостью его агрегата всё отлично. Хотя... Проверить бы, конечно...

– Чибисов, мать твою! – завопила я, ужаснувшись от собственных мыслей, вскочила с кровати. Рванула дверную ручку, сама не понимая, куда и зачем бегу. Квартира была незна-

комой, но на удивление светлой, современной и даже кристально чистой.

– С матушкой уже хочешь познакомиться? – хрипло засмеялся он. – Не рано?

– А ну быстро говори, как я очутилась у тебя?

– Меня Кирилл зовут, малы́ша, если вдруг ты забыла, – снова засмеялся парень, откидываясь на пышные подушки. Он идеальным Аполлоном лежал на переливающимся сатине, абсолютно не стесняясь наготы. И взгляд у него был такой въедливый, исследующий...

– Мне пофиг, как тебя зовут, ясно?

Я сайгаком плясала по незнакомому пространству, вторя обезумевшим мыслям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.